4
П-71/46
20/IV
Библ-ка

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 46

И. А. МЕЛЬЧУК

МОДЕЛЬ СПРЯЖЕНИЯ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ II

(Продолжение)

Москва — 1973

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.rustang.ru

67835

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР
Проблемная группа по экспериментальной и
прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
Выпуск 46

И.А.Мельчук

МОДЕЛЬ СПРЯЖЕНИЯ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ. II

(Продолжение)

Москва - 1973

4
П-71/46
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
67835

Б. Правила морфологического эллипсиса.

Данные правила применяются к набору морф, полученному в результате действия морфемно-морфных правил; они обеспечивают элиминацию одной из двух несовместимых (в пределах словоформы) морф и позволяют формулировать в весьма общем виде определенные морфологические закономерности алоторского языка - например, несовместимость субъектных и объектных суффиксов и т.п.

Без подобных правил можно, разумеется, обойтись, вводя добавочные алломорфы или просто выписывая соответствующие - более сложные - условия употребления уже имеющихся алломорф. Так, в случае правила II Б.1 можно во всех лично-числовых показателях субъекта, имеющих в презенсе префиксы, а в аористе циркумфиксы, просто дать другие условия выбора алломорф: префиксы - в презенсе и в объектных формах аориста, циркумфиксы - в безобъектных формах аориста (в действительности, условия будут более сложными, поскольку в объектных формах с объектом 1 sg используются субъектные циркумфиксы, а не префиксы, и т.д.); тогда правило II Б.1 становится излишним. Точно так же можно поступить и со всеми прочими правилами группы II Б.

Это, однако, повлекло бы два нежелательных последствия. С одной стороны, нарушилась бы логика системы условий на выбор алломорф лично-числовых показателей; и без того весьма сложные, эти условия стали бы практически необозримыми. С другой стороны, в модели не были бы выражены в явном виде определенные общие факты относительно сочетаемости алоторских глагольных морф (недопустимость комбинации субъектного и объектного суффиксов, недопустимость двух плюрализаторов и т.п.).

Стремление избежать указанных последствий и заставило нас ввести правила морфологического эллипсиса. Формально и содержательно аналогичные хорошо известным правилам синтаксического эллипсиса, эти правила занимают "пустую клетку", предсказываемую общей теорией эллипсиса в языке.

Несовместимость субъектных и объектных суффиксов.

1.(1) $\underline{m}^{'}_{(+4)}$ ⟨{...SUB...}, $\underline{m}^{''}_{(+4)}$ ⟨{...OBJ...} ⇒ $\underline{m}^{''}_{(+4)}$ ⟨{...OBJ...} | $m^{''} \neq \emptyset$

(2) ⇒ $\underline{m}^{'}_{(+4)}$ ⟨{...SUB...} | $m^{''} = \emptyset$

Ненулевой объектный суффикс "вытесняет" суффиксальную часть субъектного циркумфикса, тогда как нулевой объектный суффикс "вытесняется" сам.

mət+uvvat+ { mək (субъект) / tək (объект) } ⇒ mət+uvvat+tək (⇒ mətúvvattək) 'мы двое поцеловали вас двоих';

ø+uvvat+tkəni+ { tki (субъект) / ø (объект) } +t ⇒ ø+uvvat+tkəni+tki+t (⇒ uvvátətkənitki) 'вы двое целуете их двоих'

Несовместимость плюрализаторов и дуализатора между собой.

2. $\underline{m}^{'}_{(+1)}$⟨{PL 1/2}, $\underline{m}^{''}_{(+1)}$⟨{PL1/2} ⇒ $\underline{m}^{''}_{(+1)}$⟨{PL1/2}

3. $\underline{m}^{'}_{(+1)}$⟨{PL 1/2}, $\underline{m}^{''}_{(+5)}$⟨{PL...}/{DU} ⇒ $\underline{m}^{''}_{(+5)}$⟨{PL...}/{DU}

Объектный плюрализатор или дуализатор $\underline{m}^{''}$ "вытесняет" субъектный плюрализатор $\underline{m}^{'}$ = -la- (см. Примечание 6, стр.113-114): объект еще раз оказывается сильнее. (Аналогично обстоит дело и в корякском языке: Жукова 1972: 254.)

mən+ʔ+laʔu+ { lə / la } + { mək / tək } ⇒ mən+ʔ+laʔu+la+ { mək / tək } (⇒ mə́nʔəlaʔulatək)

'мы многие увидели бы вас многих';

mət+nm+la+tkə+na+ww1 ⇒ mət+nm+tkə+na+ww1 (⇒ mətə́nmətkəna(w(w1))

'мы многие убиваем их многих';

mən+laʔu+la+na+t ⇒ mən+laʔu+na+t (⇒ mənláʔunat)

'пусть мы многие их двоих увидим ⟨найдем⟩'.

Несовместимость дуализатора или плюрализатора 3-го лица (объекта) с нулевым суффиксом объекта 3-го лица.

4. $\emptyset_{(+4)}$⟨{3 SG.OBJ}, $\underline{m}_{(+5)}$⟨{DU}/{PL 3} ⇒ $\emptyset_{(+4)}$⟨{3 SG.OBJ}

Объектный дуализатор или плюрализатор невозможен при нулевом суффиксе объекта; таким образом, этот последний суффикс "вытесняет" свой собственный дуализатор/плюрализатор и "вытесняется" сам (правило II Б.1(2)) – ненулевым субъектным суффиксом. Здесь имеются в виду формы на -tki , ср.:

q + nwenə + { ətki (субъект 2 du) / ∅ (объект 3 sg) } + wwi [ajáku] ⇒

⇒ q + nwenə + { ətki / ∅ } (II Б.1(2) ⟹ q + nwenə + ɣə tki ⇒

qənwénəɣətki ajáku) 'вы двое погасите светильники (многие)!'

Несовместимость плюрализатора la – t с суффиксом аориста -j.

5. +la+, +j+ ⇒ +la+

jəlqat+la+j+t ⇒ jəlqat+la+t (⇒ jəlqállat) 'они многие уснули/поспали' [вместо *jəlqállajət; ср. "исходную", т.е. плюрализуемую, форму jəlqáti ⟸ jəlqat+j].

Несовместимость суффиксальной части циркумфикса следования -ɣ- с суффиксальной частью плюрализатора и с лично-числовыми показателями.

6. +ɣ+, $t_{(+5)}$ ⇒ +ɣ+ | $t_{(+5)}$ ∈ {PL 3}

7. (1) +ɣ+, $m_{(+4)}$ ⇒ +ɣ+ | $m_{(+4)}$ = k/j/mək ∈ {1 DU.SUB ...}

(2) ⇒ $m_{(+4)}$ | либо $m_{(+4)}$ = ɣəm/ɣət/tək/mək ∈ {1 DU.OBJ}; либо $m_{(+4)}$ = mək ∈ {1 DU.SUB ...} и $n_s \neq pl_s$

(3) ⇒ +ɣ+, $m_{(+4)}$ | либо $m_{(+4)}$ = j/tki/na; либо $m_{(+4)}$ = tək ∈ {2 DU.SUB ...} и $n_s \neq pl_s$

Правило II Б.7(3) необходимо в силу наличия факультативных вариантов: суффикс -j фигурирует в условиях и к II Б.7(3), и к II Б.7(1); аналогично, суффикс -tək фигурирует в условиях и к II Б.7(3), и к II Б.7(2).

См. Примечание 12, стр. 124 .

ø+ta+arat+la+ŋ+t ⇒ ø+ta+arat+la+ŋ (⇒ tarállaŋ) ‘они многие упадут’ [но: ø+ta+arat+ŋ+t ⇒ taránnat ‘они двое упадут’];

t+ta+jat+ŋ+k ⇒ t+ta+jat+ŋ (⇒ tətájatəŋ) ‘я приду (сюда)’;

ø+ta+jat+ŋ+j → ø+ta+jat+ŋ (⇒ tajátəŋ) } факультативные варианты
ø+ta+jat+ŋ+j → ø+ta+jat+ŋ+j (⇒ tajátəŋi) } факультативные варианты
/‘ты придешь’/‘он придет’;

na+ta+uvvat+ŋ+jət ⇒ na+ta+uvvat+jət (⇒ natúvvatjət) ‘он тебя поцелует’;

ø+ta+vitat+ŋ+tək → ø+ta+vitat+tək (⇒ tavítattək) } факультативные варианты
ø+ta+vitat+ŋ+tək → ø+ta+vitat+ŋ+tək (⇒ tavítanŋətək) } факультативные варианты
‘вы двое поработаете’;

ø+ta+vitat+la+ŋ+tək ⇒ ø+ta+vitat+la+tək (⇒ tavítallatək) ‘вы многие поработаете’;

ø+ta+nətkəŋavat+la+ŋ+tki+ø ⇒ ø+ta+nətkəŋavat+la+ŋ+tki (⇒ tanátkəŋavallaŋatki) ‘вы многие поругаете его’

III. Морфонологические правила.

Морфонологические правила удобно классифицировать и группировать по двум следующим признакам:

1) Характер используемого морфологического контекста. По этому признаку различаются два типа правил: А. Правила, использующие сведения о конкретных (индивидуальных) морфах и частных типах морф; Б. Правила, использующие лишь весьма общие сведения о морфах (основа vs. аффикс, префикс vs. суффикс), а также сведения о наличии/отсутствии морфологической границы и т.п. Морфонологические правила подгруппы Б ближе к фонологическим правилам. Разумеется, абсолютной границы между правилами подгрупп А и Б нет: и там, и там допускается обращение к синтактикам морф, т.е. к информации словарного характера; измерять же большую/меньшую общность этой информации мы не умеем, так что разбиение всех морфонологических правил на подгруппы А и Б носит в ряде случаев достаточно условный характер. Тем не менее, указанное разбиение представляется целесообразным, так как повышает, как нам кажется, обозримость правил.

В данной связи необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Стремясь к максимальной обозримости наших правил, а стало быть – к

их максимально естественной группировке, мы поместили в группу III (т.е. формально включили в число морфонологических) несколько правил, по существу не использующих морфологические сведения, но близко родственных правилам, которые используют таковые. Например, правила III Б.4 и III Б.8 могли бы быть отнесены к фонологическим, но тогда они оторвались бы от совершенно аналогичных им правил III Б.3 и III Б.5-7, в которых морфологические сведения используются; правило III Б.18, которое тоже естественнее считать фонологическим, включено, тем не менее, в морфонологические, чтобы оно было рядом с III Б.17; и т.п.

Вопрос о том, насколько разумна подобная классификация правил, остается открытым. Отметим только, что перемещение правил из одной группы в другую или вообще слияние двух групп правил и т.п. никак не скажется на существе дела.

2) Характер самой операции. По этому, чисто формальному признаку различаются четыре типа морфонологических правил: усечения (XY ⇒ X), наращения (X ⇒ XY), чередования (X ⇒ Y) и метатезы (XY ⇒ YX). В алторском языке представлены все четыре типа морфонологических правил.

Как уже отмечалось выше, морфонологические (и фонологические) правила приводятся здесь в достаточно приблизительном виде; в частности, вообще не даются правила, не являющиеся необходимыми для глагольного формообразования (т.е. обслуживающие лишь основообразование - деривацию и инкорпорацию).

Большинство правил в данном разделе заимствованы из докладов С.В.Кодзасова (20 января и 10 февраля 1973 года), однако с определенными изменениями; ответственность за возможные неточности в них несет только автор данной публикации.

NB : перед применением морфонологических и фонологических правил стираются все нулевые морфы. Формально говоря, это означает обязательное выполнение трех следующих правил:

(i) $\# \emptyset + \Rightarrow \#$

(ii) $+\emptyset \# \Rightarrow \#$

(iii) $+\emptyset + \Rightarrow +$

Содержательно же дело заключается в следующем: морфонологические и фонологические правила применяются к фонологическому

(≈ фонемному) представлению словоформ, а при переходе к фонологическому представлению нулевые морфы пропадают (поскольку их означающие - пустые цепочки). Переход от поморфного представления словоформ к их фонологическому представлению при используемом нами способе изображения морф (посредством фонемной транскрипции их означающих) тривиален, и соответствующие правила не выписываются.

А. Правила, связанные с индивидуальными морфами или частными типами морф.

УСЕЧЕНИЯ.

Отпадение начальных согласных.

1. $\# C_1C_2 \Rightarrow \# C_2 \mid C_1C_2 \in R_{(A_{отп})}$

См. Примечание 13, стр. 126

$\underline{lqut}_{(A_{отп})}+j \Rightarrow qut+j$ ($\Rightarrow$ qútti) 'он встал', при tə-lqút-ək 'я встал';

$\underline{tyaɣal}_{(A_{отп})}+tkən \Rightarrow vaɣal+tkən$ ($\Rightarrow$ vaɣálətkən) 'он садится', при qə-tyáɣal(-ɣi) 'садись!';

$\underline{tɣivi}_{(A_{отп})}+j \Rightarrow ɣivi+j$ ($\Rightarrow$ ɣivij) 'ты прожил год', притə-tɣivi-k 'я прожил год'.

Отпадение конечных гласных.

2. $CV\# \Rightarrow C\# \mid CV \in \underline{m}_{(A_{сокр})}$, $\# \neq \#$

Символ # обозначает границу слова, возникшую в результате факультативного сокращения, см. ниже, правила III А.3-5.

См. Примечание 14, стр. 126

$t+rwit_{(I)}+\underline{nə}_{(A_{сокр})} \Rightarrow$ t+rwit+n ($\Rightarrow$ tərwitən) 'я его избил' при t+rwit$_{(I)}$+nə$_{(A_{сокр})}$+t $\Rightarrow$ tərwitənat 'я их двоих избил';

$ɣa+akmit+\underline{linə}_{(A_{сокр})} \Rightarrow$ ɣa+akmit+lin ($\Rightarrow$ ɣakmillin) 'он, оказывается, был взят';

$akmit+\underline{ninə}_{(A_{сокр})} \Rightarrow$ akmit+nin ($\Rightarrow$ akminnin) 'он его берет' при akmit+ninə+ww$i \Rightarrow$ akminnina(w(wi)) 'он их многих берет';

ср., однако:

təγánŋutkə+na$_{(A_{сокр})}$+wwi ‘я их многих люблю’ ⇒ təγánŋutkəna#
[отпадение -a не прсисходит];

qiv+γə$\underline{na}_{(A_{сокр})}$+wwi ‘скажи им многим’ ⇒ qivγəna# .

Факультативное сокращение. если $Y = C^1 \ldots$, то $X \neq \ldots C^2 C^3 (+)$;

(3. # X(Y)# ⇒ # X# | X ⊃ V_1, V_2, V_3, ...; если Y=mək, то $L_{21}(X) \neq n$ ⇐ t [X - любая цепочка, содержащая не менее трех гласных])

Y обозначает здесь факультативно опускаемую морфу или часть морфы; круглые скобки показывают факультативную опустимость Y-а в морфемно-морфных правилах, см. правила II A.3(6), II A.4(2), II A.9(2), II A.11(2), II A.12(3), II A.27(1).

(4. # Xlqiv Y# ⇒ # X lqi#
5. # X sqiv Y# ⇒ # X sqi# | X ⊃ V_1, V_2, ...; Y = (ə)k , (ə)j, i, (ə)ŋ)

mən+ŋvu+la+(mək) ⇒ mən+ŋvu+la (⇒ mənáŋvula) ‘давайте мы многие начнем’;

q+ətvaγal+(γi) ⇒ q+ətvaγal (⇒ qətváγal) ‘садись’;

na+svitku+tkə+na+(w(wi)) ⇒ na+svitku+tkə+na+(w) ⇒ na+svitku+tkə+na (⇒ nasvítkutkənaw или nasvítkutkəna) ‘они многие режут их многих’;

jəlqəlqi(v)+j ⇒ jəlqəlqi (⇒ jəlqə́lqi) ‘ты/он заснул’;

однако формы qinív(γi) ‘скажи мне’, qəlqát(γi) ‘встань’, mətlá(mək) ‘мы двое пошли’ и т.п. не могут быть подвергнуты факультативному сокращению, поскольку "остаток" имел бы неправильную акцентуационно-слоговую структуру.

НАРАЩЕНИЯ.

Прибавление слога (для сохранения правильной акцентуационно-слоговой структуры).

6. V́(+)k# ⇒ V́(+)kki#

(t+la+k ⇒) t+əlá+k ⇒ t+alá+kki (⇒ təlákki) ‘я пришел (туда)’;

(tla+k ⇒) təlá+k ⇒ təlá+kki (⇒ təlákki) ‘приходить (туда)’ [об алломорфах морфемы {TLA} ‘приходить (туда)’ см. правило II А.16, стр. 57];

(lqət$_{(A_{отп})}$+k ⇒) qət+ə́k ⇒ qət+ə́kki (⇒ qətə́kki) ‘я ушел’/‘уходить’.

Данное правило введено для двух конкретных глагольных морф – субъектного суффикса 1 sg (в аористе индикатива) и суффикса инфинитива; кроме того, оно обслуживает и одну именную морфу – суффикс локатива (все три морфы омонимичны). В общем случае автоматическое прибавление слога для сохранения правильной акцентуационно-слоговой структуры имеет вид $\sqrt{ct}$ (правило IV Б.7, стр. 95).

Удвоение -t в односложных основах.

7. # (C)Vt+i # ⇒ # (C)Vtt+i # | V≠e, o и V≠i ($R_{(I)}$)

(jat+j ⇒) jat+i ⇒ játt+i ‘ты/он пришел (сюда)’;

(it+j ⇒) it+i ⇒ itt+i ‘ты/он был’;

(lqut+j ⇒) qut+i ⇒ qútt+i ‘ты/он встал’;

[ср., однако:

ret+j ⇒ ret+i ⇒ rə́ti ‘ты/он пришел домой’;

mɣat+j ⇒ məɣat+i ⇒ məɣáti ‘заштормило’].

Правило введено для индивидуальной морфы – субъектного суффикса 2/3 sg аориста индикатива; оно применимо всего к нескольким основам с корневым a, i или u.

Относительно аналогичного удвоения конечного -t в корякском см. Кукова 1972: 233.

ЧЕРЕДОВАНИЯ.

Альтернации n ~ t, ŋ ~ s ("$A_{n/t}$").

8. # n ⇒ # t
9. # ŋ ⇒ # s | n, ŋ ($m_{(A_{n/t})}$)

основа **nu-**$_{(A_{n/t})}$ 'есть' (**tə-nú-nnə** 'я съел это'): **nu+tkən** ⇒ **tú+tkən** 'ты ешь это', инфинитив *túkki*;

основа **ŋŋat-**$_{(A_{n/t})}$ 'разбивать' (**tə-ŋŋát-ən** 'я разбил это'; по происхождению, видимо, каузатив): **ŋnat+tkən** ⇒ **snat+tkən** (⇒ **sənátətkən**) 'ты разбиваешь это', инфинитив **sənátək**;

каузативный префикс **n-...** (**tə-n-áwəj-at-ətkən** 'я кормлю его'): **n+awəj+at+tkən** ⇒ **t+áwəj+at+tkən** (⇒ **táwəjatətkən**) 'ты кормишь его'; (**na-tá-n--awwav-ɣət** 'он тебя отвезет'): **n+awwav+na** ⇒ **t+awwávən** (⇒ **tawwávən**) 'ты его отвез'.

В морфах (основах и каузативном префиксе), начинающихся на чередующееся **n/ŋ** (что отмечено признаком "$A_{n/t}$" в их синтактике, см. Примечание 4, стр. 104), в абсолютном начале эти **n** и **ŋ** заменяются на **t** и **s** соответственно. Такое направление данной альтернации выбрано потому, что условия появления правого члена – "в абсолютном начале" – проще, чем условия появления левого члена – "не в абсолютном начале" (проще на отрицание).

Альтернации смягчения ("$A_{смягч}$").

10. $\#X\,n\,Y+m_{(A_{смягч})} \Rightarrow \#X\,ŋ\,Y+m_{(A_{смягч})}$ | если $m_{(A_{n/t})}$, то $X \neq \Lambda$

11. $\#X\,l\,Y+m_{(A_{смягч})} \Rightarrow \#X\,ɬ\,Y+m_{(A_{смягч})}$

X и Y здесь – любые цепочки символов.

Правила Ш А.10–11 описывают переход – в пределах словоформы – всех **n** (кроме того **n**, которое чередуется с **t** и оказывается в абсолютном начале словоформы, см. условие к Ш А.10) и всех **l** соответственно в **ŋ** и **ɬ** под влиянием следующей за ними "смягчающей" морфы. "Смягчающими" являются, в частности, фреквентативные суффиксы **-sit-**, **-sir-**, **-tku-**, суффикс 'полного лишения' **-mt-** (**a+mtan+mt+ka** ⇒ **amtáŋəmtəka** 'совсем нет комаров/совсем не комарно') и некоторые другие; имеется также целый ряд именных "смягчающих" суффиксов (например, **-piɬ**). "Смягчающий" характер суф-

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

фикса отмечается признаком "$\| A_{\text{смягч}}$" в его синтактике[1].

t+kaļi+sit$_{(\| A_{\text{смягч}})}$+tkən ⇒ t+kaļi+sit$_{(\| A_{\text{смягч}})}$+tkən
(⇒ təkáļisitətkən) 'я пишу' [непереходно], при
təkálitkən pįsmo 'я пишу письмо'

МЕТАТЕЗА.

Метатеза с плавным в начале слова.

12. #l(ə)p+ ⇒ # p(ə)l+ | l ∉ m$_{(A_{\text{отп}})}$

lp+na ⇒ pl+na (⇒ pəlźnnə) 'ты выпил это', при q+lp+γəna ⇒
⇒ qəlpəγən 'выпей это', инфинитив pəl-źkki.

Правило введено для индивидуальной морфы: основы lp- глагола pəlźkki 'пить'; другие глаголы с подобным началом в алюторском языке нам неизвестны. (Несколько глаголов на lp- имеется: lpiv- 'порезаться', lpəŋu- 'сосать' и др., но во всех них l- является отпадающим.)

Б. Правила, связанные лишь с общими типами морф и морфологическими границами.

УСЕЧЕНИЯ.

Устранение зияния.

1. (1) V_1 + V_2 ⇒ + V_2 | $V_1 \neq$ m; и (V_1 = ə/V_1(suf или V_2(R/pref) и $V_2 \neq$ə

(2) ⇒ V_1 + | V_1 = m/V_1(R или V_2 = ə

t+ta+ŋvvat+tkə+na ⇒ t+t+uvvat+tkə+na (⇒ tətúvvatətkən) 'я его буду целовать';

ta+tina+ŋvvat+ŋ ⇒ t+in+uvvat+ŋ (⇒ tinúvvatəŋ) 'он меня поцелует';

ina+ŋvəkl+j ⇒ in+ŋvəkl+j (⇒ inéŋvəkli (qurata rə́nna) 'ударил меня (олень рогами)';

γa+ŋawav+turi+ŋ ⇒ γ+ŋawav+tur+u (⇒ γaŋwávturu) 'вы многие, оказывается, ушли/уехали';

---

[1] Символ "$\|$" в синтактике морфы означает, что символы, расположенные справа от него, характеризуют не изменение самой данной морфы, а ее изменяющее влияние на другие морфы (см. Еськова и др. 1971: 24).

ta+ənpav+g ⇒ ta+npav+g (⇒ tanpávəg) 'он состарится';
однако n+qlip+u+av+ək ⇒ təqlípuvək 'кормить хлебом', где выпадает $V_2 = \underset{\sim}{a}$, а $V_1 = \underset{\sim}{u}$ сохраняется, поскольку это отдельная морфа со значением $'Real_1'$, в данном случае – 'есть'.

Сокращение групп вида C′C′C′
(из трех одинаковых согласных).

2. XC′C′C′ ⇒ XC′C′ | C′C′C′(R, X ≠ #

(t+tttu+tkən ⇒) t+ətttu+tkən ⇒ t+ətu+tkən (⇒ tətútkən)
'я дую' [ср., однако: tttu+tkən ⇒ tttútkən ⇒
⇒ tətútkən 'ты дуешь'/'он дует', ср. стр. 89];

(t+tttil+tkən ⇒) t+ətttil+tkən ⇒ t+ətil+tkən (⇒ tətílətkən)
'я впускаю' [tttil+tkən ⇒ tttilətkən ⇒
⇒ tətílətkən 'ты впускаешь'/'он впускает'] .

Данное правило введено всего для двух указанных здесь глаголов, т.е. для группы /ttt/ (существуют ли другие подобные глаголы и другие группы вида C′C′C′ в алюторском языке, пока неизвестно).

НАРАЩЕНИЯ.

Вставка редуцированного /ə/ для сохранения
правильной слоговой структуры.

Разделение начальных сочетаний двух согласных.

3. # C_1(+)C_2 ⇒ # C_1(+)əC_2 | C_1(R$_{(A_{отп})}$

Примеры:

n?al+$\emptyset^{aor}$+j ⇒ nə?al+$\emptyset^{aor}$+j (⇒ nə?áli) 'он стал кем/чем-либо';

t+jt+tkə+na ⇒ t+əjt+tkə+na (⇒ tətʃtkən) 'я за ним прихожу'.

Разделение конечных сочетаний двух согласных.

4. C_1(+)C_2# ⇒ C_1(+)əC_2#

ta+jat+ŋ ⇒ ta+jat+əŋ (⇒ tajátəŋ) 'ты придешь'/'он придет';

iv+j ⇒ iv+əj (⇒ ívi) 'ты/он сказал';

ср. также ном. ед. (akka$_{(A_{отн})}$+ $\emptyset^{nom,sg}$ ⇒) akk ⇒ ákək 'сын'/'дочь'.

Разделение серединных сочетаний трех согласных.

5. $Xc_1 + C_2C_3Y \Rightarrow Xc_1 + \partial C_2C_3Y$

6. $X\left\{\begin{matrix}C_1\\ \partial\\ o\\ i\end{matrix}\right\}(+)C_2+C_3Y \Rightarrow X\left\{\begin{matrix}C_1\\ \partial\\ o\\ i\end{matrix}\right\}(+)C_2+\partial C_3Y$ | $X,Y \neq \#$ | $i \in R_{(I)}$

Гласные /ə/, /o/ и /i/ (то /i/ , которое принадлежит к основе с признаком (I) в синтактике, см. Примечание 4, стр. 104) исторически восходят к сочетаниям с /j/ и /w/ , т.е. /ə/ < /aj/, /o/ < /aw/ , а /i/ < /ij/ ; естественно поэтому, что группы вида

$XəC_2C_3Y$, XoC_2C_3Y и XiC_2C_3Y

ведут себя как сочетания трех согласных.

mət+tlev+tkə+na ⇒ mət+ətlev+tkə+na (⇒ mətə́llevətkən) ‘мы двое имеем ⟨несем, ведем⟩ его с собой’;

t+jt+ɣət ⇒ t+jt+əɣət (⇒ (III Б.3) t+əjt+əɣət ⇒ tətəɣət) ‘я сходил за тобой’;

t+rwit(I)+na ⇒ t+rwit+əna (⇒ (III Б.3) t+ərwit+əna ⇒ tərwitən) ‘я его избил’;

ta+nətkəɲavat+ŋ+na+t ⇒ ta+nətkəɲavat+ŋ+əna+t (⇒ tanə́tkəɲavanŋənat) ‘ты поругаешь их двоих’;

nan+ʔ+ɣannu+tkəni+ɣət ⇒ nan+ʔ+əɣannu+tkəni+ɣət(⇒nánʔəɣannutkənizət) ‘они двое любили бы тебя’;

однако

n+ʔ+pinku+na ⇒ (III Б.3) n+əʔ+pinku+na [правило III Б.7 здесь неприменимо, поскольку перед ʔ нет V≠ə]
(⇒ napinkun) ‘ты/он прыгнул бы’.

Правила III Б.5 и III Б.6 представляют все три логически возможных случая возникновения трехсогласного сочетания на стыках морф:

III Б.5: одна согласная + две согласных;

III Б.6: две согласных + одна согласная или
одна согласная + одна согласная + одна согласная.

Правила III Б.3 — III Б.6 формализуют следующий простой закон слоговой структуры алюторских словоформ:

В пределах одного слога стечение двух (и более) согласных недопустимо. Подобные стечения разбиваются посредством /ə/ (= "шва") с учетом межморфных границ; в частности, если стечение возникает на стыке морф, то /ə/ вставляется (условно!) справа от символа стыка.

Разделение поствелярной и согласной.

7. $V\left\{\begin{matrix}ʔ\\ʕ\end{matrix}\right\} + C \Rightarrow V\left\{\begin{matrix}ʔ\\ʕ\end{matrix}\right\} + əC \mid V \neq ə$

juʔ+nina+t ⇒ juʔ+əna+t (⇒ juʔənat) ‘ты/он поставил их двух’;

ʒa+viʕ+lina ⇒ ʒa+viʕ+əlina (⇒ ʒaviʕəlin) ‘он, оказывается, умер’.

NB: правило III Б.7 не мешает правильной обработке конъюнктивного префикса -ʔ-, поскольку перед ним никогда не бывает гласной, отличной от ə; ср. t+ʔ+junat+tkən ⇒ t+əʔ+junat+tkən (правило III Б.7 неприменимо!) $\xRightarrow{\text{III Б.21}}$ tajunatətkən.

ЧЕРЕДОВАНИЯ.

Ассимиляции на стыке основы с суффиксом или внутри основы.

8. $V_1t(+)lV_2 \Rightarrow V_1l(+)lV_2$
9. $V_1t(+)\underset{\sim}{l}V_2 \Rightarrow V_1\underset{\sim}{l}(+)\underset{\sim}{l}V_2$
10. $V_1t(+)rV_2 \Rightarrow V_1r(+)rV_2$
11. $V_1t(+)sV_2 \Rightarrow V_1s(+)sV_2$
12. $V_1t(+)\left\{\begin{matrix}n\\m\\ŋ\end{matrix}\right\}V_2X \Rightarrow V_1n(+)\left\{\begin{matrix}n\\m\\ŋ\end{matrix}\right\}V_2X$

$t \in R$; $V_1 \neq e,o$ И $V_1 \neq i \in R_{(X)}$ | либо $nV_2 \neq na$, либо $X \neq \#$

13. $V_1t(+)\underset{\sim}{n}V_2 \Rightarrow V_1\underset{\sim}{n}(+)\underset{\sim}{n}V_2$

(14. $V_1n(+)lV_2 \Rightarrow V_1l(+)lV_2$
15. $V_1n(+)rV_2 \Rightarrow V_1r(+)rV_2$) $n \in \{CAUS\}$

Правила III Б.14-15 введены для каузативного префикса; -n в других префиксах (mən-, ən-) как будто не ассимилируется.

mət+vitat+la+mək ⇒ mət+vital+la+mək (⇒ mətvítallamək) ‘мы многие поработаем’;

(t+tlev+na ⇒) t+ətlev+na ⇒ t+əllev+na (⇒ təllévən) ‘я взял его с собой’ при təlévən ‘ты/он взял его с собой’ ;

(t+tr+tkə+na ⇒) t+ətr+tkə+na ⇒ t+ərr+tkə+na (⇒ tərrə́tkən kə́ltəʔərŋən) ‘я развязываю’ (узел) ;

uvvat+sit+tkən ⇒ uvvas+sit+tkən (⇒ uvvássitətkən) ‘ты все время целуешься’;

(t+tniv+tkə+na ⇒) t+ətniv+tkə+na ⇒ t+ənniv+tkə+na (⇒ tənnívətkən) ‘я шью это’;

mət+jəlqat+mək ⇒ mət+jəlqan+mək (⇒ mətjə́lqanmək) ‘мы двое поспали/уснули’,

но t+akmit+na , где правило III Б.12 неприменимо из-за условия (nV_2 = na, X = #), $\xrightarrow{\text{III Б.4}}$ t+akmit+ən , применяется правило III А.2, дающее t+akmit+n , затем ⇒ t+akmit+ən и, наконец, получаем takmítən ‘я взял его/это’;

(t+n+leqt+at+n ⇒) t+ən+leqt+at+n ⇒ t+ən+leqt+at+n
⇒ t+əl+leqt+at+n } поскольку правило III Б.14 факультативно

и далее получаем два альтернативных варианта:

(⇒ tənléqtatən)
(⇒ təlléqtatən) } ‘я отвел его обратно’ ;

аналогично:

(t+n+ret+at+n ⇒) t+ən+ret+at+n ⇒ t+ən+ret+at+n
⇒ t+ər+ret+at+n } поскольку правило III Б.15 факультативно

и далее два альтернативных варианта:

(tənrétatən)
(tərrétatən) } ‘я привел его домой’.

Ассимиляции III Б.8–III Б.13 не имеют места, если t принадлежит не основе, а префиксу:

mət+lév+tku+tkən ⇒ mətlévətkutkən ‘мы двое гуляем’;

mət+semav+tkən ⇒ mətsémavətkən ‘мы двое приближаемся’.

Указанные ассимиляции не имеют также места в начале слова, т.е. #tr ⇒ # tər , а не * # rr и т.п.:

tr+tkən ⇒ tərə́tkən ‘ты развязываешь’,
tniv+tkən ⇒ tənívətkən ‘ты шьешь’,
tlev+tkən ⇒ təlévətkən ‘ты имеешь ⟨ведешь, несешь⟩ с собой’.

Таким образом, "на поверхности" формы 1-го и 2/3-го лица подобных глаголов противопоставляются по наличию/отсутствию удвоенной согласной: tərrə́tkən ‘я развязываю’ – tərə́tkən ‘ты развязываешь’/‘он развязывает’ и т.д.

Ассимиляции с /j/.

16. $V_1n(+)jV_2 \Rightarrow V_1\underline{n}(+)\underline{n}V_2$ | если n ≠ mən , то (Ш Б.16)

Данное правило является, как кажется, факультативным в случае префикса 1 du mən- , и обязательным в случае каузативного префикса n- (в особенности – в семантически опрощенных основах); этот факт выражен в условии.

mən+jəlqat+mək ⇒ mənnə́lqatmək (⇒ mənnə́lqanmək или mənjə́lqanmək) ‘пусть мы двое поспим’;

(q+n+jup+at+γəna (А сокр) ⇒) q+ən+jup+at+γəna ⇒ q+ənnup+at+γəna (⇒ qənnupatγən (kəlússə urvə́qaq) ‘повесь (ключ на рубашку)’, т.е. ‘прицепи ключ к рубашке’ ; jup- = ‘висеть’) ;

(t+n+ju+tkən ⇒) t+ən+ju+tkən ⇒ t+ənnu+tkən (⇒ tənnútkən (nə́llə nəkíta)) ‘я сторожу (табун ночью)’.

17. $V_1l(+)jV_2 \Rightarrow V_1\underline{l}(+)\underline{l}V_2$

(tγəl (А отп) +ju+k ⇒) γəl+ju+k ⇒ γəl+lu+k (⇒ γə́llluk) ‘потеть’;
(iml+ju+k ⟹ (Ш Б.6 + Ш Б.22)) iməl+ju+k ⇒ iməl+lu+k (⇒ imə́llluk) ‘наливать воду’.

Правило Ш Б.17 приведено лишь для полноты картины: оно действует исключительно в сфере словообразования.

Деконсонантизация /ɣ/.

18. V(+)ɣX ⇒ V(+)wX | X≠V/ɣ ; и если X = +/# , то (Ш Б.18).

Правило Ш Б.18 является факультативным, если ɣ оказывается в конце основы – перед стыком морф или в исходе; это и показано во второй части условия.

ɣa+ɣal+lin ⇒ ɣa+wral+lin (⇒ ɣorállin) 'он, оказывается, наблевал';

однако miɣɣa 'кто', а также:

liɣ+liɣ ⇒ líwliw или líɣliɣ 'яйцо';

pəɣ+pəɣ ⇒ púpu [из pə́wpəw] или pə́ɣpəɣ 'поплавок';

raɣ+raɣ ⇒ rórо [из ráwraw] или ráɣraɣ 'куропатка'.

Вокализация глайдов /j/, /w/ и /ʔ/.

19. (1) əjX	⇒ iX	X=#/C(+)V	X≠j...	X∉R
(2)	⇒ eX			X∈R
20. (1) əwX	⇒ uX		X≠w..., v...	X∉R
(2)	⇒ oX			X∈R
21. əʔ+X	⇒ a+X	X=CV,		X∈R

Условия, различающие подправила (1) и (2) правил Ш Б.19 и Ш Б.20, отражают тот факт, что əj, əw дают i, u не в начале основы (т.е. либо в исходе основы, либо в суффиксе) и e, o в начале основы.

Примеры:

(iv+j ⇒) iv+əj ⇒ iv+i (⇒ ivi) 'ты/он сказал';

(ɣa+iv+jɣət ⇒) ɣ+iv+əjɣət ⇒ ɣ+iv+iɣət (⇒ ɣivíɣət) 'тебе, оказывается, сказал(и)';

(əlləvju(Асокр) ⇒) əlləvəj ⇒ əlləvi (⇒ ə́lləvi) 'племянник';

(t+jt+tkə+na ⇒) t+əjt+tkə+na ⇒ t+et+tkə+na (⇒ tetə́tkən) 'я за ним прихожу';

[ср., однако t+jətki+tkən ⇒ təjə́tkitkən 'я стреляю';
vəl+j ⇒ vəl+əj ⇒ vəl+əj ⇒ vələ́jjə 'ты/он вышел из моря на сушу'];

(t+ɣral+tkən ⇒) t+ə̲wral+tkən ⇒ t+oral+tkən (⇒ torálətkən)
'я блюю';

(t+ʔ+jəlqat+k ⇒) t+ə̲ʔ+jəlqat+k ⇒ t+a+jəlqat+k (⇒ tajólqatək)
'я поспал бы';

(n+ʔ+piŋku+na ⇒) n+ə̲ʔ+piŋku+na ⇒ n+a+piŋku+na (⇒ napíŋkun)
'ты/он прыгнул бы';

[ср., однако:

(t+ʔ+awwav+k ⇒)t+ə̲ʔ+awwav+ k ⇒ təʔáwwavək 'я уехал бы';

(n+ʔ+nʔal+na ⇒) n+ə̲ʔ+ənʔal+na ⇒ nəʔónʔalən 'ты/он бы стал'].

МЕТАТЕЗЫ.

Метатезы с участием редуцированного.

22. $V_1C_1\left\{\begin{matrix}1\\ł\end{matrix}\right\}+əC_2V_2 \Rightarrow V_1C_1 ə\left\{\begin{matrix}1\\ł\end{matrix}\right\} +C_2V_2 \mid C_2 = j$

(iml+ju+k ⇒) iml+ə̲ju+k ⇒ iməl+ju+k (⇒ imə́ɬ̲ɬuk) 'наливать воду';

[ср., однако:

ɣa+tkəpl+lin ⇒ ɣa+tkəpl+əlin ⇒ ɣatkə́pləlin 'его, оказывается, избили'].

23. $VC_1 + ə\,C_2C_3 \Rightarrow VC_1 + C_2əC_3$ | либо C_1 = l, C_2C_3 = lq/lŋ; либо C_1 = n, C_2C_3 = tv

(ʕəval+lŋ+n ⇒)ʕə val+ə̲lŋ+ən ⇒ ʕəval+ləŋ+ən (⇒ʕəvállənŋən)
'ягодица';

(vəl+lqiv+j ⇒) vəl+ə̲lqiv+ j ⇒ vəl+ləqiv+əj (⇒ vəllə́qi(vi))
'ты/он стал перебираться вглубь суши' (т.е. удаляться от моря');

(vəlʕiŋ+tva+k ⇒) vəlʕiŋ+ə̲tva+k ⇒ vəlʕiŋ+təva+k (⇒ vəlʕiŋtə́vak)
'сморкаться'.

Как и правило III Б.17, оба правила III Б.22 и III Б.23 приводятся исключительно ради полноты и цельности общей картины: во-первых, они не участвуют в глагольном формообразовании; во-вторых, они отражают действительные факты очень неполно, а потому - неточно; в-третьих, вообще неясно, следует ли трактовать соответствующие

явления как метатезы: здесь можно усматривать особые случаи вставки /ə/ в стечения зубных согласных. Мы предпочитаем предложенную С.В.Кодзасовым трактовку данных фактов как метатез, желая, с одной стороны, иметь как можно более простые правила разделения стечений согласных, а с другой - представить все мыслимые типы морфонологических операций.

IV. Фонологические правила.

Фонологических правил в алюторском языке немного; с содержательной точки зрения они распадаются на две группы:

А. Правила, касающиеся глайдов.

Б. Правила, касающиеся акцентуационно-слоговой структуры слова.

А. Правила, касающиеся глайдов.

Вставка автоматического /ʔ/ в начале слова.

1. # V ⇒ # ʔ V

ə̱wwə́vi ⇒ ʔəwwə́vi 'ты/он уехал'.

Как было оговорено выше (сноска 1 к стр. 3), в наших примерах мы опускаем это /ʔ/ в порядке чисто орфографического сокращения.

Ассимиляция с /w/.

2. Vwv ⇒ Vww

(t+ɣə̱a+k ⇒ t+əɣə̱a+k ⇒) t+ə̱wɣə̱a+k ⇒ t+əwwa+k (⇒ tʕwwak) 'я запнулся' [при ɣəvə́ɬɬə 'ты/он запнулся']

Данное правило применимо, как кажется, лишь в одной (указанной здесь) основе; тем не менее, его стоит привести как пример редкой в алюторском языке прогрессивной ассимиляции.

Стяжение "дифтонгов" - сочетаний /ə/ с глайдами.

3. ə(+)jX ⇒ eX
4. ə(+)wX ⇒ oX

X= # /C(+)V | X≠j...
X≠w..., V...

ina+ɣala+j ⇒ ina+ɣale (⇒ ináɣale) ‘ты/он прошел мимо меня’;

ɣa+pila+jɣəm ⇒ ɣa+pileɣəm (⇒ ɣapíleɣəm) ‘меня, оказывается, оставил(и)’;

ɣa+jŋat+lin ⇒ ɣeŋat+lin (⇒ ɣeŋállin) ‘оказывается, был туман’;

lawt+u ⇒ lɔ́t+u ‘головы’, при lawt ⇒ láwət ‘голова’;

[ср., однако:

təlá+jjə , где правило IV Б.3 неприменимо из-за условия (x = j);

tútkəna+wwi, " - " IV Б.4- " " - " - " (x = w)].

Б. Правила акцентуационно-слоговой структуры полнозначных словоформ.

Ведущую роль слога в корякском языке впервые отметил, по-видимому, Е.А.Крейнович (Крейнович 1958), который дал тонкий анализ слоговой структуры корякского слова; его результаты, хотя и принятые здесь далеко не буквально и не полностью, оказали сильное влияние на автора.

Признаваемая в нашей модели слоговая структура алюторских словоформ и правила их акцентуации установлены С.В.Кодзасовым.

Обозначения:

— - "тяжелый" слог, т.е. полная гласная или /ə/ перед двумя согласными или перед согласным в конце слова (= прикрытый шва);

⏑ - "легкий" слог, т.е. /ə/ перед согласным, за которым следует гласный (= неприкрытый шва);

... - наличие других слогов.

№ : выписываемые здесь правила акцентуации имеют силу только для "полнозначных" (или, точнее говоря, - для морфологически изменяемых) слов: для глаголов, существительных, прилагательных и морфологически оформленных наречий. Разного рода частицы, междометия, союзы могут иметь акцентуационно-слоговую структуру, противоречащую правилам IV. Б.1-10; кроме того, специфическую акцентуацию имеют вокативы. Ср. koɻomə́! ‘вот здорово!’, iɕwə́ɻ! ‘фу, гадость!’, eŋ́i! ‘ой (больно)!’, qvitté ‘я не знаю’, əpə́q! ‘эй, старик!’ и т.д.

Акцентуации односложных (на промежуточном уровне) словоформ.

Дело в том, что реальных односложных полнозначных словоформ в алюторском языке не бывает; однако возникающее в процессе синтеза или анализа промежуточное представление словоформы может быть, условно говоря, односложным, т.е. содержать один гласный. (В дальнейшем правило IV Б.7 добавит к такой словоформе еще один слог.)

1. $\# \text{—} \# \Rightarrow \acute{\text{—}} \#$

($\text{ø}^{2/3\ sg}{}_{+nu(A_{n/t})}{}^{+na(A_{стар})}$ ⇒) tu+n ⇒ tú+n (⇒ túnnə) ‘ты/он съел его/это’;

Ср. также saj ⇒ sáj (⇒ sájjə) ‘чай’ и т.п.

Акцентуация двусложных слов.

2. $\# \text{—} \{\breve{\ }\} \# \Rightarrow \# \acute{\text{—}} \{\breve{\ }\} \#$

(lqut$_{(A_{отп})}$+j ⇒) qutti ⇒ qútti ‘ты/он встал’.

3. $\# \breve{\ } \text{—} \# \Rightarrow \# \breve{\ } \acute{\text{—}} \#$

(sɣaj ⇒) səɣaj ⇒ səɣáj ($\xRightarrow{\text{IV Б.7}}$ səɣájjə) ‘песок’;

($\text{ø}^{2\ sg}{}_{+nm+na}$ ⇒) təmən ⇒ təmə́n ($\xRightarrow{\text{IV Б.7}}$ təmə́nnə) ‘ты убил его’.

Слоговая структура $\# \breve{\ } \text{—} \#$ возможна только на промежуточном уровне.

Акцентуация трех- (и более) -сложных слов.

4. $\#\{\breve{\ }\} \text{—} \cdots \# \Rightarrow \#\{\breve{\ }\} \acute{\text{—}} \cdots \#$

($\text{ø}^{2/3\ sg}{}_{+ta+jat+ŋ}$ ⇒) tajatəŋ ⇒ tajátəŋ ‘ты придешь’/‘он придет (сюда)’;

(t+ta+jat+ŋ ⇒) tətajatəŋ ⇒ tətájatəŋ ‘я приду (сюда)’.

5. $\# \text{—} \breve{\ } \cdots \# \Rightarrow \# \acute{\text{—}} \breve{\ } \cdots \#$

məlqətək ⇒ mə́lqətək ‘дусть я пойду’.

6. $\# \breve{\ } \breve{\ } \cdots \# \Rightarrow \# \breve{\ } \acute{\breve{\ }} \cdots \#$

ʔəməkəŋ ⇒ ʔəmə́kəŋ ‘мне’.

Добавление слога (для сохранения правильной акцентуационно-слоговой структуры).

7. $\# X\acute{V}(+)C'\# \Rightarrow \# X\acute{V}(+)C'C'\partial\#$ | X - любая цепочка; если $X \supset V'$, то $V' = \partial$; $C' \neq j$

($t+nu+na_{(A_{сокр})} \Rightarrow$) $t+\partial n\acute{u}+n \Rightarrow t+\partial n\acute{u}+nn\partial$ ($\Rightarrow$ tənúnnə) 'я съел его/это';

($\emptyset^{2/3\ sg}{}_{+lq\partial t_{(A_{отп})}}+j \Rightarrow$) $q\partial t+\acute{\partial}j \Rightarrow q\partial t+\acute{\partial}jj\partial$ ($\Rightarrow$ qətə́jjə) 'ты/он ушел'.

Правила-запреты (для полнозначных словоформ).

8. $\ldots \acute{-}\# \Rightarrow !$

Невозможны полнозначные (в частности, глагольные) словоформы с ударением на конечном слоге (в междометиях, частицах, вокативах, как уже отмечалось, наконечное ударение допускается).

См. Примечание 16, стр. 129.

9. $\#\{\bar{\ }\}\{\breve{\ }\}\ldots \Rightarrow !$

Невозможны глагольные словоформы без ударения или с ударением далее второго слога от начала словоформы (т.е. словоформы с безударным первым и вторым слогами).

Таким образом, в алюторском языке в полнозначных словах ударение падает всегда на первый или второй (в соответствии с правилами IV Б.1-IV Б.6), но не на последний слог.

Правила IV Б.8 и IV Б.9 играют роль фильтров, применяемых к г о т о в о й словоформе в целом и бракующих неправильные словоформы; неправильность могла возникнуть из-за ошибочного порядка применения правил (поскольку наши правила неупорядочены). Символ "!" означает, что цепочка, содержащая левую часть правила IV Б.8 или IV Б.9 неправильна и ее вывод следует провести заново, но обязательно с другим порядком правил. Ср. Seuren 1973.

Правило предпочтения.

10. Если X′ и X″ – равнозначные факультативные варианты одной и той же формы и акцентуационно-слоговые структуры их таковы:

X′ = ´ –, X″ = – ´ – или ´ – –,

то X″ – предпочитаемый вариант.

ta+la+ŋ+j → tálaŋ } ‘ты придешь (туда)’ /
⇒ talánji } /‘он придет (туда)’ – предпочитается форма talánji.

Данное правило носит крайне нечеткий формальный характер; неясна и его содержательная сфера. Тем не менее, мы приводим его здесь как принципиальный образец весьма важного, с нашей точки зрения, класса правил: разного рода требований к окончательным ("поверхностным") результатам работы модели.

Примеры (см. примеры 15-18 на стр. 69).

19) ta+jəlqat+tkəni+təkIV Б.4⇒ tajə́lqat+tkənitək
(III Б.5⇒ tajə́lqatətkənitək) ‘вы двое будете спать’.

20) ɣa+awwav+linа(А сокр)III Б.1(1)⇒ ɣ+awwav+linа(А сокр)III А.2⇒ ɣawwavlin IV Б.4⇒ ɣawwávlin ‘он, оказывается, уехал/ушел’.

21) ən+uʔalla+{la / la}+(mək) III Б.2⇒ ən+uʔalla+la+mək IV Б.4⇒ ənú-ʔallalaməkˊ ‘вы многие подождите нас многих’.

22) mən+ʔ+nu+la+tkə+t III Б.7⇒ mən+ʔ+ənu+la+tkə+t IV Б.5⇒ mə́nʔənu-latkət мы многие ели бы это/его .

Pəɬə́tkuɣərŋən ‘конец’!

§ 6. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

Примечание 1 (к стр. 3, сноска 1).

Система фонем алюторского языка.

Мы принимаем в настоящем изложении систему алюторских фонем приблизительно в том виде, как она была охарактеризована С.В.Кодзасовым (в его докладе 20 января 1973 г.), а именно:

Гласные

i u

ə

e o

a

В отличие от выдвигаемой рядом исследователей точки зрения, в соответствии с которой звук [ə] - сверхкраткий редуцированный, или неопределенный, гласный (= "шва"), - не признается представителем отдельной фонемы, а считается чисто фонетическим явлением - автоматическим разделителем консонантных групп (см., в частности, Крейнович 1958, Жукова 1968: 295, Жукова 1972: 31-32)[1], мы трактуем шва как отдельную фонему.

В большинстве случаев появление звука [ə] действительно полностью определяется фонетическим контекстом - в силу того, что на уровне фонетической реализации в алюторском не допускаются консонантные группы в пределах одного слога (за исключением некоторых сочетаний в начале слова: фонетически [qlávul], [prákki], [ttíləṭkən], [tʒárati] и т.п.). Тем не менее, имеются случаи, когда наличие звука [ə] фонетически ничем не обусловлено:

- в начале нескольких слов (основ), например, ə̀mama 'мать', ə̀nnu 'он', ə̀tti 'они двое', ə̀ttə̀wwi 'они многие', ə̀pə́ŋa 'суп, похлебка', ə̀ap - 'старый', а также в начале императивного префикса ə̀n- (2-го и 3-го лица);

[1] Необходимо, однако, иметь в виду, что в Крейнович 1958 и в Жукова 1972 данная точка зрения высказывается применительно к корякскому, а не к алюторскому языку; не исключено, что в корякском дело с [ə] обстоит как-то иначе, однако автор не может судить об этом.

– в середине слов (весьма часто), например jil̯əjil ‘язык’ (речь), ɣimtip̯lin ‘оказывается, он взвален на спину’, ɣəm̯ɣ-kəɣ ‘мне’, ɣən̯ɣkəɣ ‘тебе’, qəlávul̯təɣ ‘мужчинами’ (локатив мн.ч.) и т.п.

Относительно [ə] в начале слова в принципе можно было бы считать, что этот [ə] автоматически разделяет начальную гортанную смычку [ʔ] (см. ниже) и последующую согласную, т.е. фонологически транскрибировать /ʔmama/, /ʔnnu/, /ʔtti/ и т.д. (как предлагается для корякского языка в Крейнович 1958: 64, сноска 2). Однако в алюторском обычны образования типа təpav- ‘кормить супом’, ср. ənánnə təpávətkənin sinínkin цúцuбн/она кормит-супом своего ребенка’, содержащего каузативный циркумфикс n- ... -av (где n- чередуется с t-) и основу əpa-(ŋa) ‘суп’; это доказывает, что слово əpáŋa ‘суп’ имеет основу /əpa/ (так что в реальной фонетической форме [ʔəpáŋa] автоматическим является начальный [ʔ]), а не */ʔpa/ (с автоматическим [ə]): n+ʔpa+av- давало бы t+əʔpa+v ⇒ *tapav- или же t+ʔəpa+v ⇒ *təʔəpav- , а таких форм в алюторском нет. Аналогично, əlləɣ-ən ‘отец’, но ɣa+əlləɣ+a ⇒ ɣálləɣa ‘с отцом’; /ʔllɣ/ дало бы *ɣaʔəlləɣa.

В формах типа jiləjil, imtipəlin или qəlávulətək чисто фонетическое описание появления звука [ə] также, по-видимому, невозможно.

В соответствии со сказанным алюторский шва, т.е. звук [ə], трактуется в этой работе как аллофона особой фонемы /ə/, имеющей, однако, очень небольшую функциональную нагрузку, специфическое поведение и "нулевую" реализацию в некоторых позициях. (Именно такое решение принято для чукотского [ə] в Скорик 1961: 23–24, 38–39; при этом звук [ə] в чукотском языке ведет себя во всех отношениях очень похоже на алюторский [ə] .)

Интересно отметить, что проблема "фонемности" сверхкраткого редуцированного в алюторском языке (и вообще в чукотско-камчатских языках) может быть связана с аналогичными проблемами относительно французского e caduc (muet) (см. Zwanenburg 1968, Martinet 1969: 209–219) и армянского [ə] (Гулакян 1972).

Согласные.

		Губные	"Превелярные"		Велярные	"Постве-лярные"
			Непалатализованные	Палатализованные		
Шумные	Глухие (смычные)	p	t	s (ʂ)	k	q
	Звонкие (фрикативные)	v	-	-	γ	ʕ
Сонорные	Носовые	m	n	n̡	ŋ	-
	Неносовые	-	l r	l̡	-	-
Глайды		w	j		(γ)	ʔ

1) В произношении некоторых алюторцев /s/ оказывается иногда или даже всегда мягким, что и отмечено помещением в ту же клетку символа ̡ в круглых скобках.

2) /ʕ/, как указывает С.В.Кодзасов, это гортанная смычка с дополнительной фарингализацией; гласный, соседящий с /ʕ/, всегда заметно фарингализуется.

3) /γ/ в ряде отношений близок к глайдам: в частности, он вокализуется в позиции не перед гласным. В то же время, /γ/ ведет себя и как шумный: так, перед ним, как и перед прочими шумными, может происходить отпадение начального t- , см. правило III А.1, стр. 80, и Примечание 13, стр. 126. Возможность двойной трактовки этой фонемы отмечена помещением (γ) в клетку "велярные глайды".

4) Фонетически, /ʔ/ - глухой ларингальный (гортанная смычка); фонологически же он, по-видимому, является глайдом: так, аналогично фонемам /w/ и /j/ он образует вместе с предшествующим /ə/ полный гласный (/ə+ʔ/ ⇒ /a/), т.е.:

əw ⇒ u, əj ⇒ i, əʔ ⇒ a | не перед гласным

(см. правило III Б.24, стр. 90).

Примечание 2 (к сноске 2, стр. 10).

О различиях между омонимичными циркумфиксами дезидератива и следования (ta- ... -ŋ) в алторском языке.

Циркумфикс ta- ... -ŋ дезидератива отличается от циркумфикса ta- ... -ŋ следования, по крайней мере, в трех следующих отношениях:

1) Циркумфикс дезидератива сочетается с суффиксом настоящего времени -tkən, а циркумфикс следования - нет (в настоящем времени следование выражается не циркумфиксом ta- ... -ŋ, а префиксом ta-), ср.:

tə-tá-jəlqat-ətkən 'я буду спать' - tə-tá-jəlq-əŋ-ətkən 'я хочу/собираюсь спать' (у глагола jəlqát-ək 'спать' в форме дезидератива усекается элемент -at, а в форме следования это усечение не происходит);

tə-tá-vitat-ətkən 'я буду работать' - tə-tá-vitan-ŋ-ətkən 'я хочу/собираюсь работать'.

В аористе же допустимы оба циркумфикса:

tə-tá-jəlqat-əŋ 'я усну/посплю' - tə-tá-jəlq-əŋ-ək 'я хотел/собирался поспать';

tə-tá-vitat-əŋ 'я поработаю' - tə-tá-vitan-ŋ-ək 'я хотел/собирался поработать'.

2) Циркумфикс дезидератива сочетается с личным суффиксальным показателем в аористе, а циркумфикс следования - нет (в отдельных случаях возможны факультативные варианты):

tə-tá-vitat-ən ‘я поработал’ - tə-tá-vitan-ŋ-ək ‘я хотел/собирался поработать’ , ta-piŋku-ŋ (или ta-piŋku-ŋ-i) ‘ты прыгнешь’/‘он прыгнет’ - ta-piŋku-ŋ-i ‘ты/он хотел/собирался прыгнуть’ , mət-tá-jan-ŋə-mək ‘мы двое хотели/собирались придти (ср. правило II Б.6, стр. 72) при mət-tá-jat-əŋ ‘мы двое придем’.

3) Циркумфикс дезидератива возможен и в результативе, а циркумфикс следования - нет:

ɣa-tá-jalq-əŋ-lin ‘он, оказывается, хотел/собирался спать’,

ɣa-tá-tkəpl-əŋ-iɣəm ‘меня, оказывается, хотели/собирались избить’,

ɣa-tá-vitan-ŋə-lin ‘он, оказывается, хотел/собирался работать’.

Примечание 3 (к стр. 22).

О залоговой характеристике результатива.

Пассивный характер форм на ɣa- ... -lin от переходных глаголов для корякского языка отмечен А.Н.Жуковой[1] (Жукова 1972: 227-229). Аналогичным образом являются пассивными и формы алюторского результатива. На основе использования этих форм от переходных глаголов в алюторском языке образуются настоящие пассивные конструкции, синонимичные соответствующим активным. Ср., например:

(1) ŋŋŋu-ta təsvissav-nin maniwra-n ‘Ребенок поставил палатку’;

это активная конструкция с подлежащим в инструменталисе и прямым дополнением в номинативе (т.е. эргативная конструкция). Глагол согласован по субъектному согласованию с ŋŋŋuta и по объектному - с maniwran , т.е. имеет форму 3 sg субъекта и 3 sg объекта (о субъектном и объектном согласовании личного глагола см. стр. 23).

Будем варьировать число подлежащего и прямого дополнения; мы увидим, как отзывается на это активный глагол:

(2) ŋŋŋu-tək na-ŋsvissav-ən maniwra-n ‘Дети поставили палатку’;

[1] Трактуя корякские глагольные формы на гэ-/га- - -лин(а)/-лэн(а) как пассивные, А.Н.Жукова в то же время считает, что в предложениях типа Г'нтг'у гыкылгалинав' уетикик ‘Собаки запряжены в-нарту’ или Ичг'ын гэтэйкылин выльгыналгын ‘Кухлянка сделана из-летней-шкуры’ "отсутствует (это не опущение, а значимое отсутствие) подлежащее" (Жукова 1972: 227).

глагол - в 3 pl субъекта и 3 sg объекта.

(3) ɯɣ̊ɯɣu-ta təsvissav-nina(-w(wi)) maniwra-wwi 'Ребенок поставил палатки';

глагол - в 3 sg субъекта и 3 pl объекта.

(4) ɯɣ̊ɯɣu-tək na-nə̂svissav-na(-w(wi) maniwra-wwi 'Дети поставили палатки';

глагол - в 3 pl субъекта и 3 pl объекта.

Совсем иначе обстоит дело с согласованием в результативе. Возьмем такие же четыре пары фраз - с субъектом и объектом в ед./мн. числе:

(5) ɯɣ̊ɯɣu-ta ʒa-nə̂svissav-lin maniwra-n 'Ребенком поставлена палатка'.

Здесь глагол согласован только с у б ъ е к т н о и только с maniwran ; это легко видеть, меняя число слова ɯɣ̊ɯɣu 'ребенок':

(6) ɯɣ̊ɯɣu-tək ʒa-nə̂svissav-lin maniwra-n 'Детьми поставлена палатка'.

В (6) форма глагола в точности та же, что и в (5): число агентивного дополнения на сказуемом не сказывается. Так же одинаковы глагольные формы в (7) и (8):

(7) ɯɣ̊ɯɣu-ta ʒa-nə̂svissav-laŋ maniwra-wwi 'Ребенком поставлены палатки';

(8) ɯɣ̊ɯɣu-tək ʒa-nə̂svissav-laŋ maniwra-wwi 'Детьми поставлены палатки'.

Совершенно очевиден параллелизм отношений (5):(1) = (6):(2) = (7):(3) = (8):(4), с одной стороны, и аналогичных отношений между пассивными и активными конструкциями в английском, французском, немецком, русском и прочих языках, с другой.

Подчеркнем, что примеры (1)-(8) показывают, насколько неправомерно встречающееся в литературе противопоставление активной и эргативной конструкций. В действительности, с логической точки зрения активная конструкция противостоит пассивной:

– активная конструкция – субъектное согласование сказуемого с обозначением субъекта действия, т.е. подлежащее обозначает реальный субъект (о понятии подлежащего см. выше, стр.23-24).

– пассивная конструкция – субъектное согласование сказуемого с обозначением объекта действия, т.е. подлежащее обозначает реальный объект.

В сфере активных конструкций в общем случае различаются:

– (активная) номинативная конструкция[1] – подлежащее в им. падеже (в падеже называния предметов), основное дополнение в винительном или каком-либо ином падеже (важен лишь падеж подлежащего);

– (активная) эргативная конструкция – подлежащее не в им. падеже (оно бывает в творительном, родительном, местном, специальном эргативном), основное дополнение в им. падеже.

Активная конструкция противопоставлена пассивной на глубинно-синтаксическом уровне: они различаются семантической интерпретацией подлежащего (в активе подлежащее обозначает реальный субъект, в пассиве оно же обозначает реальный объект). Номинативная конструкция противопоставлена эргативной на поверхностно-синтаксическом уровне: они различаются только "внешним" (≈ морфологическим) оформлением подлежащего и основного дополнения.

Что же касается различной залоговой характеристики результатива в зависимости от переходности/непереходности глагола (от переходных глаголов результатив пассивен, от непереходных – нет), то в теории такая трактовка ничему не противоречит, а на практике аналогичное явление известно и в других языках. Так, в немецком и французском одно и то же формальное образование является активным перфектом непереходных глаголов и пассивом переходных:

нем.	Er ist gestorben, gekommen, ...	'Он умер, пришел' vs.
	Er ist gefragt, genommen, ...	'Он спрошен, взят';
фр.	Il est mort, venu, ...	'Он умер, пришел' vs.
	Il est demandé, pris, ...	'Он спрошен, взят'.

Заметим, что в чукотском языке положение с формами результатива (= II прошедшего) переходных глаголов еще сложнее. При одних комбинациях лиц субъекта и объекта формы на *ʔa-* имеют в чукот-

[1] Применительно к чукотско-камчатским языкам для обозначения этой конструкции используется также термин "абсолютная конструкция" (например, Скорик 1948).

ском субъектно-объектное согласование, причем подлежащее обозначает субъект (как у не-результативных форм):

гынан гым г-эна-пэля-й-гыт	'ты меня покинул',
ынан гым г-эна-пэля-лен	'он меня покинул',
торгынам гым г-эна-пэля-торэ	'вы меня покинули',
торгынан мури га-пэля-тко-торэ	'вы нас покинули' и т.п.

При других комбинациях лиц формы на *ga-* имеют только субъектное согласование, причем подлежащее обозначает объект:

гымнан гыт га-пэля-й-гыт	'я тебя покинул',
ынан гыт га-пэля-й-гыт	'он тебя покинул',
моргынан гыт га-пэля-й-гыт	'мы тебя покинули' и т.п.

(См. Скорик 1948: 572-573).

Таким образом, здесь внутри одной парадигмы одни личные формы активны, а другие пассивны!

Примечание 4 (к стр. 48).

Состав синтактики алюторских глагольных морф.

Не считая указания о части речи и указаний о глагольном управлении ("модель управления"), синтактики глагольных основ и аффиксов включают следующие шесть признаков:

1) Порядок морфы: "0" у основ, положительное число у суффиксов, отрицательное число у префиксов.

2) Чередования, возможные в данной морфе:

$A_{отп}$ – отпадение начальной согласной в группах tk, t, lq, ... (см. правило III A.1 и Примечание 13, стр. 122);

$A_{n/t}$ – чередование n ~ t, n ~ s в начале слова (см. правила III A.8-9);

$A_{сокр}$ – отпадение конечной гласной (см. правило III A.2).

Чередование $A_{отп}$ известно только в основах, чередование $A_{n/t}$ – в основах и в каузативном циркумфиксе; чередование $A_{сокр}$ характерно, вообще говоря, и для основ, и для аффиксов, однако в пределах глагольного формообразования это чередование встречается только в суффиксах -na, -nina, -ɣna, -lina.

3) Чередования, вызываемые данной морфой: ‖ $A_{смягч}$ - переход l ⇒ ļ, n ⇒ ņ в основе под влиянием последующей морфы ш($‖A_{смягч}$); такой морфой являются, например, глагольные суффиксы -tku-, -sit-, -sir- , именной уменьшительный суффикс -piļ , суффикс лишения -mt- и т.п.

4) Факультативное опущение данной морфы в исходе слова. Данное свойство морф показывается нами посредством круглых скобок в записи морф в морфемно-морфных правилах: (mək), (γi) и т.п.

5) Наличие в основе /i/ , исторически, по-видимому, восходящего к /ij/ , что обуславливает обязательное появление /ə/ после конца такой основы перед другим согласным: ср. γa+it+lin ⇒ γillin , но γa+imtip+lin ⇒ γimtipəlin , а не *γimtiplin, или γa+qit+lin ⇒ γaqitəlin , а не *γaqillin.

Из примеров видно, что основы imtip- 'взваливать на спину' или qit- 'замерзать' ведут себя - с точки зрения вставки /ə/ - так, как основы с исходом на два согласных. Это, видимо, объясняется - как и в случае с основами на /eC/ - древним /j/: *imtijp- и *qijt , как *rajt- > ret-, *tajk- > tek- и т.п. Однако поскольку наряду с основами типа imtip- и qit- существуют основы типа it- и akmit- , ведущие себя совершенно "нормально", мы вынуждены считать особенность первых чисто морфологической и отмечать ее специальным признаком в синтактике основы: $imtip_{(I)}$, $qit_{(I)}$, ...

6) Переходность/непереходность основы:

tr - основа строго переходного глагола, т.е. глагола, не допускающего непереходных употреблений (за исключением форм с интранзитивирующим ina- и в инкорпоративных комплексах с инкорпорированным объектом);

itr - основа непереходного глагола, т.е. глагола, не имеющего объектных форм;

tr/itr - основа переходного глагола, допускающего, однако, и непереходное употребление (т.е. основа лабильного глагола).

Относительно подобных глаголов в корякском языке см. Жукова 1972: 223, относительно трехчленного противопоставления по переходности/непереходности см. там же, стр. 225.

Пометы tr, itr и tr/itr , дублирующие, по существу, часть сведений, содержащихся в модели управления, удобны для проверки совместимости данной основы с данной характеристикой: от строго переходного глагола не могут быть образованы безобъектные формы, и т.п. (см. требования II, стр.38-39).

Примечание 5 (к стр. 52).

В связи с принятым в нашем описании морфологическим членением алюторских глагольных словоформ мы укажем здесь возможные альтернативные решения для четырех следующих случаев (внимание автора на эти решения обратила И.А.Муравьева).

1) В алюторском языке лицо и число субъекта выражается в презенсе префиксами, а в аористе циркумфиксами, причем суффиксальные части циркумфиксов в разных наклонениях совпадают (префиксальные же части могут различаться), например:

(1)

	ind	imper	conj
1 sg	t- ... -k	m- ... -k	t- ... -k
1 du	mət- ... -mək	mən- ... -mək	mən- ...-mək

Стремление выразить указанное соотношение в явном виде диктует следующее разбиение на морфы и, соответственно, введение следующих морфем:

- префиксальные лично-числовые показатели субъекта, выражающие также и наклонение, т.е. морфемы {1 SG.SUB.IND} = t, {1 SG.SUB.IMPER} = m и т.д.;

- суффиксальные лично-числовые показатели субъекта, выражающие также и аорист (но не наклонение), т.е. морфемы {1 SG.SUB.AOR} = k, {1 DU.SUB.AOR} = mək и т.д.[1].

Лично-числовых субъектных циркумфиксов при таком описании не было бы; число морфем увеличилось бы, а морфемные правила несколько усложнились бы, но зато упростился бы состав лично-числовых субъектных морфем и условия выбора соответствующих алломорф. Семантическая нагрузка морфологических сегментов была бы выражена более непосредственно и эксплицитно, нежели в нашем описании (где, напри-

[1] Именно такой подход проводится для корякского языка в Жукова 1972.

мер, элемент -k повторен трижды – в алломорфах субъектного показателя 1 sg индикатива, императива и конъюнктива, хотя очевидно, что -k не имеет отношения к наклонению).

Однако соотношение (1) выполняется далеко не во всех лицах аориста, и при этом оно выполняется не только в аористе; так, суффикс 2/3 sg субъекта -j возможен только в индикативе аориста, а суффикс 2 sg субъекта -ji – только в императиве аориста; субъектный суффикс 2 du -tək бывает и в презенсе (всех трех наклонений); субъектный суффикс 3 sg -n(a) конъюнктива аориста совпадает с субъектным суффиксом 3 sg императива аориста, но субъектные суффиксы 2 sg аориста в этих наклонениях не совпадают; и т.п. Поэтому мы сочли, что изложенное выше альтернативное решение заметно усложнило бы описание в целом, обусловив, в частности, еще большую несимметричность модели алторского спряжения.

2) Формы типа

	lə?i-nin	'он увидел его',
(2)	lə?i-nina-t	'он увидел их двоих' и
	lə?í-nina-wwi	'он увидел их многих'

было бы естественно описывать следующим образом: суффикс -nin(a) выражает 3-е лицо объекта, а число объекта показано отдельной морфой: нулевой для ед. числа, -t – для двойств. числа и -wwi – для мн. числа.

Так же можно было бы описывать и некоторые субъектные формы, например:

	nə́-lqət-ən-$\emptyset^{sg}$	'пусть он уйдет',
(3)	nə́-lqət-ənа-t	'пусть они двое уйдут',
	nə́-lqət-ənа-wwi	'пусть они многие уйдут',

считая циркумфикс n- ... -n(a) показателем только 3-го лица субъекта и принимая, что число выражено отдельной морфой ("агглютинативно").

(В точности так д о л ж н ы описываться и описываются числовые формы имени: wála+$\emptyset^{sg}$ 'нож', wála+t 'два ножа', walá-wwi 'ножи'; как и в указанных глагольных формах, отпадающий гласный основы элиминируется перед -$\emptyset^{sg}$: kalaka+$\emptyset^{sg}$ ⇒ kálak 'идол', əlləvju+$\emptyset^{sg}$ ⇒ əlləvj ⇒ élləvi 'племянник'.)

Мы же приняли для глагольных форм типа (2) и (3) иную трактовку: у нас элементы -nin(a), n- ... -n(a) и аналогичные считаются с л и т н ы м и показателями 3-го лица и ед. числа сразу, т.е. мы не усматриваем в формах типа lə?ənin или nálqatən нулевой суффикс ед. числа. Суффиксы двойств. и мн. числа считаются присоединяющимися к "готовой" форме ед. числа и зачеркивающими информацию о ед. числе.

Дело в том, что в 1-ом и 2-м лицах ед. и двойств. числа альтернативная трактовка все равно невозможна: показатели t-, m-, mət-, mən-, -mək, -tək и т.п. выражают лицо и число безусловно с л и т н о, т.е. t- '1 sg', m- '1 sg', mət- '1 du', mən- '1 du', -mək '1 du', -tək '2 du' (указанное в Скорик 1954 разложение показателей mət-, mən-, -mək и -tək не может быть использовано в синхронной формальной модели в силу крайней нерегулярности). Далее, в формах мн. числа 1-го и 2-го лиц все равно должна осуществляться плюрализация "готовой" формы двойств. числа:

mət-pi̯ku-mək 'мы двое прыгнули', но
mət-pi̯ku-la-mək 'мы многие прыгнули'.

Наконец, раздельное выражение лица и числа не всегда удобно усматривать и в 3-м лице; так, ср. формы конъюнктива:

n+ʔ+laʔu+nina ⇒ nalâʔunin 'он увидел его' и
nan+ʔ+laʔu+na ⇒ nánʔəlaʔun 'они двое/многие увидели его',

где различие в числе субъекта связано с различием между префиксами n- '3 sg' и nan- '3 du/pl'. В этих формах затруднительно указать место для нулевого суффикса - показателя ед. числа субъекта и непонятно, какому отдельному сегменту следовало бы приписать значение двойств./множ. числа.

Мы предпочли пожертвовать эксплицитным отражением очевидной близости форм типа (2) и (3) к именным формам ради большего единообразия и симметричности системы глагольных морфем; иначе говоря, вынуждаемые фактами языка допустить ту или иную натяжку, мы "дотягиваем" формы типа (2) и (3) до прочих глагольных форм, а не до именных. Думается, что так описание получается более простым.

3) В личных окончаниях результатива – 1 du -muri и 1 pl -muru, 2 du -turi и 2 pl -turu – можно было бы выделить элементы -mur- 'мы' и -tur- 'вы' (ср. mur-ɣkki 'у нас' (локатив), mur-ɣənan 'мы' (инструменталис), аналогично tur-ɣkki, tur-ɣənan) и считать i < j и u < w дуализатором и плюрализатором соответственно; такое разложение, видимо, соответствует действительным историческим соотношениям. Однако в рамках сугубо синхронной и достаточно формальной модели подобная трактовка явно ведет к усложнению описания.

4) В формах типа junʔ-la-tkə-t 'они многие живут' можно было бы считать элемент -t субъектным суффиксом 3-го лица, избежав тем самым разрывного плюрализатора -la- ... -t , охватывающего суффиксы (ср. Примечание 10, стр. 121). В пользу трактовки -t как субъектного суффикса говорит, в частности, тот факт, что этот -t несовместим с суффиксальной частью -g- циркумфикса следования, которая несовместима и с другими лично-числовыми субъектными и объектными суффиксами: ta+piŋku+la+g+t ⇒ tapiŋkulag 'они многие прыгнут' как mət+ta+piŋku+la+g+mək ⇒ mettápiŋkulag 'мы многие прыгнем', см. правило II Б.6, стр. 77; однако с дуализатором -t элемент -g- совместим: ta+piŋku+g+t ⇒ tapiŋkugət 'они двое прыгнут'.

Тем не менее, и здесь мы предпочли (во всяком случае, для первого опыта) более простое и единообразное, на наш взгляд, описание.

Таким образом, во всех четырех рассмотренных здесь случаях мы выбирали то решение, которое представлялось нам более простым. Однако у автора нет, разумеется, никакой уверенности в том, что это действительно наиболее простые решения. Не исключено, что существует такая комбинация альтернативных трактовок, которая дала бы в совокупности более простое или хотя бы не более сложное (но зато более эксплицитное) описание. Чтобы выяснить это, необходимо построить цельную альтернативную модель и сравнить ее с данной. Как говорится в одном лимерике:

You never can tell until you try!

Примечание 6 (к правилам I, стр. 52 и
к правилам II А.25-27, стр. 67).

Дуализатор и плюрализатор в алюторском глаголе.

В алюторском языке смысловые различия в грамматическом числе между показателями субъекта (соответственно, объекта) связаны со следующими различиями:

1) Показатель субъекта/объекта 3-го лица в двойств. числе отличается от соответствующего показателя в ед. числе на элемент -t - д у а л и з а т о р (тот же самый, который дуализует имена)[1]. Примеры:

- Дуализация субъекта (только в безобъектных формах):

ʒa-píŋku-lin	'он прыгнул'	- ʒa-píŋku-lina-t	'они двое прыгнули';
ta-píŋku-ŋ	'он прыгнет'	- ta-píŋku-ŋ-ət	'они двое прыгнут' ;
jəlqát-ətkən	'он спит'	- jəlqát-ətkə-t	'они двое спят';
nə-jə́lqat-ətkə-n	'пусть он спит'	- nə-jə́lqat-ətkə-na-t	'пусть они двое спят';
na-jə́lqat-ətkə-n	'он спал бы'	- na-jə́lqat-ətkə-na-t	'они двое спали бы';

- Дуализация объекта:

tə-náwəjat-ətkə-n'я кормлю его' - tə-náwəjat-ətkə-na-t 'я кормлю их двоих';
q-uʔálla-ʒən 'подожди его' - q-uʔálla-ʒəna-t 'подожди их двоих'.

Напоминаем, что в нашей трактовке суффиксы -lin (3 sg субъекта в результативе), -n (3 sg субъекта и объекта в нерезультативе), -nin (3 sg объекта при 3 sg субъекта в нерезультативе) и -ʒən имеют полные формы -lina, -na, -nina и -ʒəna- с -a , отпадающим в абсолютном исходе, см. стр. 104.

2) Показатель субъекта/объекта во мн. числе соотносится в одних случаях с показателем ед. числа, в в других - с показателем двойств. числа, т.е. плюрализуется

либо (1) форма ед. числа,

либо (11) форма двойств. числа.

(1) Плюрализация форм ед. числа имеет место только в 3-м лице и осуществляется одним из двух следующих элементов:

-(w(-1)) , т.е. тот же плюрализатор, что и у имен; используется для плюрализации субъекта и объекта во всех случаях кроме форм следования в аористе (на ta-... -ŋ) и безобъектных форм презенса индикатива;

[1] В 1-м и 2-м лицах отдельного показателя двойств. числа не бывает: используются кумулятивные морфы 1 du mət-...-mək/-mək и 2 du Ø- ... -tək/-tək . Различие показателей субъекта 3-го лица на -t может, разумеется, сопровождаться и другими, обусловленными различиями.

-la-...-t- – только для плюрализации субъекта в не-результативных безобъектных формах индикатива (простая и форма следования).

(В результативе, вместо отвечающей данному утверждению формы на -lina-(w(wi)) выступает форма с мегаморфой, т.е. слитной морфой, 3 pl – laŋ .)

Примеры:

– Плюрализация субъекта (только в безобъектных формах):

nə-jə́lqat-ətkə-n 'пусть он спит' – nə-jə́lqat-ətkə-na-(w(wi)) 'пусть они многие спят';

na-jə́lqat-ətkə-n 'он спал бы' – na-jə́lqat-ətkə-na-(w(wi)) 'они многие спали бы';

piŋkú-tkən 'он прыгает' – piŋku-la-tkə-t 'они многие прыгают'.

– Плюрализация объекта:

tə-náwəjat-ətkə-n 'я кормлю его' – tə-náwəjat-ətkə-na-(w(wi)) 'я кормлю их многих';

q-uʔálla-ɣən 'подожди его' – q-uʔálla-ɣəna-(w(wi)) 'подожди их многих'.

(ii) Плюрализация форм двойств. числа имеет место в 1 и 2 лицах и осуществляется одним из трех элементов:

-la- – во всех формах не-результатива, кроме 1 лица (субъекта) в презенсе безобъектных глаголов;

-la- ... -t- – в 1 лице (субъекта) в презенсе безобъектных глаголов (не-результатив);

-u – в результативе.

– Плюрализация субъекта:

Посредством -la-

inán-nətkəŋavat-ətkəni-təx 'вы двое ругаете меня' – inán-nətkəŋaval-la-tkəni-təx 'вы многие ругаете меня';

(toɣ́ɓk) məp-pə́lqan-mək '(давайте) мы двое поспим' – (toɣ́ɓk) məp-pə́lqal-la-(mək) '(давайте) мы многие поспим';

Посредством -la- ...-t

mət-vítat-ətkən 'мы двое работаем' – mət-vítal-la-tkə-t 'мы многие работаем'.

Посредством -u

ɣa-rétalqiv-muri 'оказывается, мы двое отправились домой' – ɣa-rétəlqiv-mur-u 'оказывается мы многие отправились домой';

ɣ-iv-túri 'оказывается, вам двоим сказал(и)' – ɣ-iv-túr-u 'оказывается, вам многим сказал(и)'.

– Плурализация объекта:

tə-nətkəɣavat-ətkəni-tək 'я ругаю вас двоих' – tə-nətkəɣaval-la-tkəni-tək 'я ругаю вас многих';

ən-úvvan-mək 'ты поцелуй нас двоих' – ən-úvval-la-mək 'ты поцелуй нас многих'.

Из сказанного видна, по-видимому, необходимость признать дуализатор -t и плюрализаторы -(w(wi)), -u , -la- и -la-...-t отдельными морфами: каждый из этих элементов встречается в указанном виде и в указанном значении в целом ряде форм. Следовательно, должны быть введены и соответствующие три морфемы:

– дуализатор 3 лица {DU} ;

– плюрализатор 3 лица {PL 3} (плюрализует формы ед. числа);

– плюрализатор 1/2 лиц {PL 1/2} (плюрализует формы двойств. числа).

Именно так мы и поступили в нашей модели. Это решение заставляет признать, что в алюторском языке вообще нет лично-числовых морфем субъекта/объекта во мн. числе: мн. число субъекта и объекта либо выражается в глаголе отдельным показателем – плюрализатором, либо вообще не выражается (в случае несовместимости в одной словоформе двух плюрализаторов, см. ниже). Поэтому и введены специальные морфемные правила, которые при наличии в ГМП индексов pl_s или pl_o выбирают подходящую морфему единственного (≈ в 3-м лице) или двойственного (≈ в 1-ом/2-ом лицах) числа и добавляют к ней морфему-плюрализатор: см. правила I.5, I.6, I.14 и I.15.

Поскольку особый дуализатор -t употребляется для субъекта только в безобъектных формах, лично-числовые морфемы 3-го лица субъекта в двойств. числе существуют: а именно, для объектных форм, см. I.4(2) и I.6(2). Хотя в каждой из трех морфем {3 DU.SUB.M} ее алломорфа совпадает с одной из алломорф соответствующей морфемы {3 SG.SUB.M} , алломорфы морфем 3 du субъекта имеют специфическое распределение.

Итак, в безобъектной форме значение 3 du субъекта складывается из морфемы {3 SG.SUB.M} и дуализатора {DU} , см. I.4(1). Однако морфем 3-го лица объекта в двойств. числе нет: соответствующие индексы в ГМП соотносятся с комбинацией морфемы {3 SG.OBJ} плюс дуализатор, см. I.13.

Теперь мы рассмотрим вопрос о возможности сочетания дуализаторов и плюрализаторов друг с другом в одной словоформе. Для этого необходимо проанализировать три случая: а) дуализатор + дуализатор, б) дуализатор + плюрализатор, в) плюрализатор + плюрализатор.

а) Поскольку в объектных формах автономная дуализация субъекта невозможна, два дуализатора встретиться в одной словоформе в принципе не могут.

б) Плюрализатор субъекта 1-го/2-го лица теоретически мог бы сочетаться с дуализатором объекта 3-го лица, образуя формы со значением

„ { мы многие } —— их двоих";
{ вы многие }

однако в соответствующих формах вместо ожидаемого сочетания *la- ... -na-t , мы находим только -nat , т.е. плюрализатор субъекта отсутствует. Это чисто морфологический факт, так как никакие морфонологические и фонологические причины подобной комбинации не препятствуют. Данный факт учитывается правилами морфологического эллипсиса: правило II Б.3 (стр. 71) элиминирует субъектный плюрализатор, отдавая предпочтение - как и в других случаях - объекту.

в) Плюрализатор субъекта 3-го лица в объектных формах невозможен; поэтому для случая в) нам остается рассмотреть две комбинации:
- "Плюрализатор субъекта 1-го/2-го лица + плюрализатор объекта

1-го/2-го лица", т.е. формы со значением

"мы многие — вас многих" и

"вы многие — нас многих",

где теоретически могла бы наблюдаться последовательность двух плюрализаторов: *-lala- ; это, однако, абсолютно исключено (по всем имеющимся в нашем распоряжении данным), т.е. один из двух плюрализаторов обязательно элиминируется. Остающийся относится обязательно к объекту и, возможно, к субъекту. В результате мы имеем омонимичные формы типа:

mət-nʔtkəŋaval-la-tkəni-tək — 'мы двое/многие ругаем вас многих',

ən-ûvval-la-mək — 'вы двое/многие поцелуйте нас многих' и т.п.

- "Плюрализатор субъекта 1-го/2-го лица + плюрализатор объекта 3-го лица", т.е. формы со значением

" { мы многие / вы многие } — их многих" ,

с последовательностью плюрализаторов *la-na-wwi , которая, однако, в реальных формах отсутствует: вместо *la- ... -na-wwi мы имеем везде просто -na-wwi , т.е. еще раз объект одерживает верх: плюрализатор субъекта элиминируется (то же самое правило II Б.3).

Несколько особняком стоят формы с субъектом 2 pl на -tki. А.Н.Жукова последовательно дает здесь -latki в случае объекта 3 sg и 3 pl и -tki при объекте 3 du[1] . Наши собственные данные противоречивы: одни записи указывают -latki для всех трех чисел объекта, другие (проверенные нашим лучшим информантом, М.Н.Мулиткиной) дают -latki для объекта 3 sg и -tki для объекта 3 du и 3 pl . Наконец, имеющиеся у нас примеры из связных текстов также указывают на отсутствие -la- при 3 pl объекта: ʒəməkəŋ 17ənŋina qurâwwi qʔnm-ʒʒətki 'мне этих оленей вы-многие-забейте-их-многих'; q-ənsûssimav-ʒətki turʒina sinînkina qurâwwi 'вы многие-подготовьте-их-многих ваших собственных оленей'. Не имея возможности проверить факты оконча-

[1] Те же формы приведены для алюторского в Стебницкий 1934: 72-73.

тельно, из соображений стройности и симметрии системы мы склоняемся к данным М.Н.Мулиткиной:

-latki (для субъекта 2 pl) при объекте 3 sg указывают все материалы;

отсутствие -la- при объекте 3 du/pl описывается общим утверждением о несовместимости плюрализатора субъекта с дуализатором/плюрализатором объекта (которые в данном случае "пропадают" и сами, поскольку показатель объекта 3-го лица после суффикса -tki - нулевой, см. правило II А.22(4), стр. 66 , а дуализатор/плюрализатор объекта невозможен при нулевом объектном суффиксе, правило II Б.4 , стр. 76);

наконец, в алюторском языке в случае омонимии форм числа субъекта совпадают всегда формы двойств. и мн. чисел, но никогда - формы ед. и мн. чисел.

Итак, мы можем сформулировать правило морфологического эллипсиса (см. II Б.3, стр.76): "Если в словоформе оказываются морфа-плюрализатор субъекта и морфа-дуализатор/плюрализатор объекта, то первая морфа элиминируется".

Этим, однако, не исчерпываются сложности, связанные с морфемами-дуализаторами и плюрализаторами. Плюрализатор 1-го/2-го лица субъекта не используется при объекте 1-го/2-го лица двойств. числа, хотя отдельного дуализатора здесь нет (это может объясняться тем, что единственный плюрализатор всегда относится к объекту); поэтому формы со значением "мы двое/многие - вас многих" и "вы двое/многие - нас многих" имеют плюрализатор 1-го/2-го лица, а формы со значением "мы многие - вас двоих" и "вы многие - нас двоих" вообще не имеют плюрализатора, тем самым совпадая с формами "мы двое-вас двоих" и "вы двое - нас двоих", ср.:

mət-úvval-la-tkəni-tək ‘мы двое/многие целуем вас многих’,

n-uvvál-la-tkəni-mək ‘вы двое/многие целуете нас многих’;

но

mət-úvvat-ətkəni-tək ‘мы двое/многие целуем вас двоих’ и

n-uvvát-ətkəni-mək ‘вы двое/многие целуете нас двоих’.

(Так обстоит дело по данным А.Н.Жуковой и отчасти по нашим записям, в особенности - в формах, полученных от М.Н.Мулиткиной; встречаются у нас и другие формы, например, с -la- при объекте 2 du,

которые, однако, мы здесь не учитываем, предполагая их ошибочность.)

Указанный факт невозможно отразить в правилах морфологического эллипсиса, поскольку появлению плюрализатора субъекта не препятствует никакой отдельный дуализатор объекта (в 1-ом и 2-ом лицах отдельного дуализатора, как указывалось, нет). Поэтому введено специальное морфемное правило: I.5 (стр.52), - которое и выбирает для субъекта 1-го/2-го лица множ. числа морфему двойств. числа без плюрализатора, если имеется объект 1-го/2-го лица двойств. или множ. числа.

Примечание 7 (к правилу II А.3(4), стр. 59).

Морфологическая трактовка окончания 3 du субъекта (аорист индикатива в нерезультативе, безобъектное спряжение) -ɣəʔət (víʕə-ɣəʔət 'они оба умерли', junát-ɣəʔət 'они оба жили', piɲkú-ɣəʔət 'они оба прыгнули' и т.п.) вызывает определенные трудности. Элемент -(ə)t в -ɣəʔət - это обычный дуализатор, выступающий в этой роли во многих других глагольных формах; однако элемент -ɣəʔ- , на долю которого остаются граммемы "3 лицо", "ед. число" (поскольку -t всегда дуализует формы ед. числа), "субъект" и "индикатив", встречается только в данном окончании, т.е. имеет уникальное распределение, что делает его статус как отдельной морфы сомнительным.

Тем не менее, руководствуясь принципом - максимально последовательно и эксплицитно отражать в нашем описании все соответствия между звуком и смыслом, - мы предпочли разложить окончание -ɣəʔət на две морфы и счесть элемент -ɣəʔ- уникальным аффиксом - суффиксальной частью циркумфикса {3 SG.SUB.IND} . (Наше решение очень приблизительно соответствует тому, чтобы в русском языке признавать разложимость таких основ, как власт-елин, нов-ичок, поп-адья или мел-озга, усматривая в них уникальные суффиксы.)

Заметим, что j и ɣ в алюторском языке чередуются (ср., например, алломорфы послелога -jpəŋ ~ -ɣpəŋ '(вдоль) по' и т.п.), так что между алломорфами ø- ... -j и ø- ... -ɣəʔ- имеется, с точки зрения алюторского языка, и звуковая близость.

Возможные альтернативные решения:

1) Считать -ɣəʔət единой мегаморфой, "слитно" реализующей две морфемы: {3 SG.SUB.IND} и {DU}, и добавить соответствующее морфемно-морфное правило. При этом, однако, не выражается в явном виде тот факт, что -(ə)t означает дуализацию; кроме того, мегаморфы чужды алюторскому спряжению: имеется лишь одна бесспорная мегаморфа - суффикс 3 pl субъекта в результативе (-laŋ), но и та характеризует форму, по существу являющуюся именной ("спрягаемое причастие").

2) Считать, что -ɣəʔət получается из последовательности морф +j+t в результате применения особого морфонологического правила:

$$+j+t \Rightarrow +ɣəʔ+t.$$

Тогда вместо уникальной алломорфы мы будем иметь уникальное морфонологическое правило, нужное лишь для данного случая. Представляется, однако, более целесообразным стремиться к максимальной общности морфонологических правил, собирая всю "уникальность" в правила морфемно-морфные.

Примечание 8 (к правилу II.5(3), стр. 60).

Элемент -tki является суффиксальной частью трех циркумфиксов 2 du субъекта (во всех трех наклонениях). При этом он выступает всегда только при объекте 3-го лица, который выражается нулевой морфой: исход -tki означает 'вы его/вы их двоих/вы их многих'. В принципе здесь имеется возможность поступать и наоборот: считать -tki показателем 3-го лица объекта, а выражение 2 du субъекта приписывать нулевой морфе, т.е. вместо нашей трактовки

+tki + ∅
'2 du_S' '3 sg_O'

принять трактовку

+ ∅ + tki
'2 du_S' '3 sg_O'

Можно также считать, что 2 du_s выражается суффиксом -tək, который элиминируется правилами морфологического эллипсиса перед объектным суффиксом, а -tki является суффиксом 3_o (разновидность второй трактовки).

Мы, однако, выбрали первую трактовку, основываясь на следующих соображениях:

- Элемент -tki материально близок к показателю 2 du -tək и не имеет ничего общего с показателем 3 лица объекта -n(a), -nin(a) . Более того, в императиве мы имеем суффикс -(ɣə)tki, с факультативно опускаемым -ɣə- ; в виде -ɣətki данный элемент еще теснее связан со значением 2-го лица, ср. -ɣət и -ɣɣət - суффиксы 2 sg , а также императивное -ɣi (тоже в 2 sg).

- Элемент -tki плюрализуется посредством плюрализатора -la- , т.е. именно того плюрализатора, которым плюрализуются все показатели 1-го и 2-го лиц, но никогда - объектные показатели 3-го лица:

ləʔú-tkəni-tki ŋŋúu /ŋŋúut / ŋŋúuwwi
'вы-двое-видите-его/их ребенка/двух детей/многих детей',
но ləʔú-la-tkəni-tki ŋŋúu 'вы-многие-видите-его ребенка'.

- Недопустимость дуализатора -t и плюрализатора -wwi объекта 3-го лица в формах на -tki легко описывается, если считать, что показателем объекта является -Ø: достаточно сделать общее утверждение о том, что дуализатор и плюрализатор невозможны при нулевой морфе; мы формулируем это утверждение в виде правила морфологического эллипсиса ⫿ Б.3. В противном случае нужна оговорка ad hoc о невозможности последовательностей *-tkit и *-tkiwwi (никаких морфонологических или фонологических причин для этого нет).

Отметим, что в чукотском языке суффикс -ткы, совершенно аналогичный по значению и функциям алюторскому -tki , считается именно субъектным показателем (Скорик 1954: 243).

Ясно, однако, что ни один из наших доводов не является окончательным, так что данный вопрос следует пока считать открытым.

Примечание 9 (к правилам П А.1-19, стр. 65).

Распределение алломорф лично-числовых субъектных показателей является в алюторском языке достаточно сложным. Для большей обозримости условий этого распределения мы укажем здесь закономерности выбора алломорф в общем виде (отвлекаясь от некоторых не очень существенных частностей).

Имеются следующие четыре общих закономерности, характеризующие состав и распределение алломорф морфем лично-числовых субъектных показателей (т.е. морфем вида {P.N.SUB.M}):

1. Все субъектные показатели в индикативе, т.е. все морфемы вида {P.N.SUB.IND} включают алломорфу, используемую в результативе, и группу алломорф, используемых в не-результативных формах. Поэтому условия к правилам П А.1-5 делят подправила этих правил на два класса: r ≠ res и r = res.

2. Не-результативные субъектные показатели делятся на презентные и аористные: в презенсе используется префикс, а в аористе - циркумфикс. Отсюда второе разделение подправил одного и того же правила: условие t = praes и t = aor (см. правила П А.1-4, 8, 9, 11 и 14-17). Указанная закономерность, однако, нарушается во всех формах 2 du и 3 du , а также в 3 sg императива.

3. При 2-м и 3-м лицах ед. числа субъекта лично-числовые субъектные префиксы(и префиксальные части циркумфиксов) имеют по два варианта: один - для безобъектных форм и для объектных форм с объектом 3-го лица или 1 sg , второй - для всех прочих объектных форм. Схематически это выглядит так:

	ind	imper	conj	условия выбора
2 sg	ø	q	n	либо $p_0=\Lambda$, либо $p_0=\frac{3}{}$, либо $p_0=1$, $n_0=sg$.
	na	ən	nan	$p_0=1$, $n_0\neq sg$.
3 sg	ø	n	n	либо $p_0=\Lambda$, либо $p_0=\frac{3}{}$, либо $p_0=1$, $n_0=sg$.
	na	ən	nan	либо $p_0=2$, либо $p_0=1$, $n_0\neq sg$.

(На данную закономерность внимание автора обратила И.А.Муравьева.)

4. Во 2-м лице двойств. числа субъекта субъектный показатель имеет (во всех трех наклонениях) по три варианта: один - для безобъектных форм и объектных форм с объектом 1 sg, второй - для объектных форм с объектом 1 du/pl и третий - для объектных форм с объектом 3-го лица.

Заметим, что объект 1 sg, обозначаемый префиксом ina-, в плане влияния на выбор субъектных алломорф трактуется как отсутствие объекта, т.е. форма с ina- 1 sg объекта является как бы непереходной. Это неслучайно: ведь ina- 1 sg объекта явно исторически тождественен с интранзитивирующим ina-, см. выше, стр. 9. Данный факт неоднократно отмечался исследователями чукотско-камчатских языков.

Итак, основные условия выбора алломорф лично-числовых субъектных показателей бывают четырех типов:

1) res /не res,
2) praes / aor,
3) "безобъектная" форма (в том числе - объект 1 sg), объект 3-го лица/все остальные объекты,
4) "безобъектная" форма (в том числе - объект 1 sg)/объект 1 du, 1 pl /объект 3-го лица.

Кроме того, имеются несколько очень частных условий, например, к правилу II A.3(4): окончание -ɣəʔ-(ət) возможно только в безобъектных формах двойств. числа (3-го лица субъекта).

Следует иметь в виду, что состав и распределение алломорф лично-числовых субъектных показателей 2-го и 3-го лиц ед. числа в не-результативных формах индикатива и в конъюнктиве совпадают - в конъюнктиве полностью (правые части и условия в правилах II A.15 и II A.16 тождественны), а в индикативе - почти полностью ("почти" - из-за окончания -ɣəʔət, подправило II A.3(4); за вычетом этого подправила и подправил для суффиксов результатива правые части и условия в правилах II A.2 и II A.3 также тождественны). При этом условия к правилам II A.2-3 в точности совпадают с условиями к правилам II A.15-16 (с учетом сделанной выше оговорки относительно подправил II A.3(4), II A.2(5) и II A.3(6)).

Примечание 10 (к правилам II А.26(2) и II А.27(2), а также сноска 1 к стр. 67).

Циркумфикс -la-...t , плюрализующий субъект 1-го и 3-го лиц в формах презенса, обладает той спецификой, что охватывает не основу, как все прочие алломорфские циркумфиксы, а суффикс презенса -tkə- , т.е.:

mət+vitat+ la +tkə+ t (⇒ mətvítallatkət) 'мы многие работаем' и

ø+vitat+ la +tkə+ t (⇒ vítállatkət) 'они многие работают'.

Кроме того, в промежуточном (не выдаваемом на "поверхность") представлении аористных форм индикатива безобъектного спряжения циркумфикс -la-..t охватывает нулевой суффикс аориста $-ø^{aor}$, т.е.:

ø + vitat + la + $ø^{aor}$ + t (⇒vitállat) 'они многие поработали'.

Циркумфиксы, разрываемые не основой, а другим аффиксом, - вещь, по-видимому, достаточно редкая в языках мира. В связи с этим И.А.Муравьева предлагает здесь иную трактовку: считать плюрализатором только элемент -la- , а -t признать субъектным суффиксом 1-го/3-го лиц, употребляемым во мн. числе; тогда "странного" циркумфикса не будет (см. Примечание 5, пункт 4, стр.109). Мы, однако предпочли описание, которое представляется нам более простым.

Примечание 11 (к правилу II.28, стр. 68).

Относительно принятых нами алломорф морфемы {PRAES} представляются уместными следующие разъяснения.

1. Имеется большое количество презентных форм разных наклонений с исходами на -tkəniʔəm, -tkəniʔət, -tkənimək, -tkənitək, -tkənitki, причем в аористе, т.е. не после -tkən- , лично-числовые суффиксы имеют форму -ʔəm, -ʔət, -mək, -tək, -tki (без начального -i-), а -tkən- имеет конечное -i- только перед указанными здесь лично-числовыми суффиксами. Таким образом, -i- характерно именно д л я с о е д и н е н и я суффикса презенса -tkən- и лично-числовых суффиксов (субъекта и объекта) 2-го и 3-го лиц; поэтому

элемент -i- в принципе можно было отнести и "влево" (к -tkən-) и "вправо" (к -ʔəm, -ʔət, ...). Однако второе решение приводит к значительному увеличению числа алломорф: -ʔəm/-iʔəm,-ʔət/-iʔət и т.д. в каждой морфеме, где встречается один из этих показателей; таких морфем в нашей модели - 13, так что, относя элемент -i- вправо, мы ввели бы 13 новых алломорф (с одинаковым указанием о распределении: "после -tkən- "). Первое решение (именно оно принимается нами) требует добавить всего одну новую алломорфу: -tkəni- , выступающую перед суффиксами 1-го или 2-го лица.

2. Введение алломорфы -tkə- (без конечного -n) объясняется двумя следующими соображениями.

- Имеется ряд форм мн. числа, оканчивающихся на -la-tkə-t; показателем мн. числа является в нашем описании именно -la-...-t - плюрализатор, о котором см. Примечание 10 (ср. также víʕə--la-t 'они многие умерли' при víʕə-tkən 'он умирает' и víʕə-la-tkə-t 'они многие умирают'). Если считать, что исход -latkət состоит из морф +la+tkən+t , то придется вводить специальное морфонологическое правило: +tkən+t ⇒ +tkət ; для этого правила нам неизвестны какие-либо параллели и оно противоречит общим законам алюторской морфонологии (в соответствии с которыми мы скорее имели бы *-tkən-ət).

- Объектные формы с объектом 3 sg в презенсе всех наклонений (кроме форм с субъектом 2 du или 2 pl) оканчиваются на -tkən или -tkənin (при субъекте 3 sg). В то же время в аористе объект 3 sg имеет свои особые показатели: -n(a), -nin(a) (при субъекте 3 sg) и -ʔən(a) (в императиве, при субъекте 2 sg):

t-uvvát-ən 'я его поцеловал',
uvván-nin 'он его поцеловал'.

Соображения симметрии требуют, по-видимому, усматривать морфему {3 SG.OBJ} и в презентных формах, т.е. tuvvátətkən 'я его целую' состоит из четырех морфем:

{UVVAT} , {1 SG.SUB.IND} , {3 SG.OBJ} , {PRAES} ;

тогда встает вопрос о выборе алломорф объектного показателя 3 sg при {PRAES} . Здесь возможно одно из трех решений:

а) нулевая алломорфа 3 sg объекта при субъекте не 3 sg и алломорфа -in при субъекте 3 sg ({PRAES} ⇒ -tkən-);

б) алломорфы 3 sg объекта -n(a) и -nin(a) и {PRAES} ⇒ -tkən-;

в) алломорфы 3 sg объекта -n(a) и -nin(a) и {PRAES} ⇒ -tkə-.

Первое решение требует ввести новую алломорфу 3 sg объекта -in(a) (алломорфа -Ø все равно есть: она выступает после -tki , т.е. при 2 du и 2 pl субъекта, ср. uvvát-ətki 'вы двое его поцеловали' и т.п.), что еще не так страшно. Хуже, что аналогичная ситуация возникает и с субъектными показателями 3 sg в императиве и конъюнктиве: nə-jə́lqat-ətkən 'пусть он спит' и na-jə́lqat-ətkən 'он спал бы' при nə-jə́lqat-ən 'пусть он поспит' и na-jə́lqat-ən 'он поспал бы'; здесь имеет место та же трудность: субъектные показатели в аористе обоих наклонений - n- ... -n(a) , а в презенсе - если распространить данное решение и на этот случай - придется вводить еще две дополнительные алломорфы, а именно n- ... -Ø для 3 sg субъекта императива и n- ... -Ø для 3 sg субъекта конъюнктива.

Второе решение не требует никаких новых алломорф, но требует двух морфонологических правил

+tkən+n ⇒ +tkən,
+tkən+nin ⇒ +tkənin;

мы не видим никаких разумных оправданий для подобных правил (противоречащих, к тому же, общим законам алюторской морфонологии).

Третье решение не требует введения новых алломорф ни для объектных и субъектных показателей, ни для морфемы {PRAES} (поскольку морфа -tkə- все равно вводится для описания исхода -tkət , см. выше); не требует оно и каких-либо новых морфонологических правил. Естественно, что мы предпочли именно это решение. Итак, для нас окончания -tkən в

jəlqát-ətkən 'он спит' и
t-ə́vvát-ətkən 'я его целую'

имеет разное морфологическое строение: +tkən в первом случае и +tkə+n(a) — во втором. Эта разница отчетливо проявляется при

дуализации обеих форм:

jəlqát-ətkə-t ‘они двое спят’ и
t-uvvát-ətkə-na-t ‘я целую их двоих’.

Если не считать оба -tkən морфологически разными, непонятно, как описывать разницу в их поведении перед дуализатором:

- $tkən_1$+t ⇒ - tkət , но
- $tkən_2$+t ⇒ - tkənat.

Примечание 12 (к правилам II Б.6-7, стр. 77).

В формах следования аориста при встрече элемента +ŋ+ (= второй части циркумфикса следования ta- ... -ŋ) с суффиксальным лично-числовым показателем $Ш_{(+4)}$ (субъекта или объекта) или с суффиксальной частью -t плюрализатора субъекта происходит одно из пяти следующих явлений:

1) Обязательно утрачивается лично-числовой показатель. Так обстоит дело с субъектным суффиксом 1 sg -k , с суффиксальной частью -t субъектного плюрализатора, с субъектным суффиксом 1 du -mək при наличии плюрализатора -la- : вм. *tə-tá-jan-ŋ-ək мы имеем только tətájatəŋ ‘я приду’, вм. *ta-jál-la-ŋ-ət - только tajállaŋ ‘они многие придут’, вм. *mət-tá-jal-la-ŋ-mək - только məttájallaŋ ‘мы многие придем’.

2) Лично-числовой показатель может утрачиваться, но это не обязательно, так что возникают вариантные формы. Так обстоит дело с субъектным суффиксом 2/3 sg аориста индикатива -j: возможны формы ta-ját-əŋ и ta-ját-əŋ-i ‘ты придешь (сюда)’/‘он придет (сюда)’. Если результирующая форма без -j двусложна, то предпочитается вариант с -j: ta-lá-ŋ-i ‘ты придешь (туда)’/‘он придет (туда)’ предпочтительнее, нежели tálaŋ.

3) Обязательно утрачивается элемент -ŋ- . Так обстоит дело при объектных суффиксах 1-го и 2-го лиц, а также при двух субъектных суффиксах:

- при -mək (1 du) , если отсутствует субъектный плюрализатор -la- (если -la- имеется, то утрачивается, наоборот, -mək , см. пункт 1);

– при -tək (2 du), если наличествует субъектный плюрализатор -la- (если -la- отсутствует, то возможны вариантные формы). Таким образом, мы имеем: вм. *tə-t-úvvan-ŋə-ʒət только tətúvvatʒət 'я поцелую тебя', вм. *mət-tá-jan-ŋə-mək – только məttájanmək 'мы двое придем' (ср., однако, məttájallaŋ 'мы многие придем', но не *məttájallaŋmək или *məttájallamək), вм. *ta-jál-la-ŋ-tək – tajállatək 'вы многие придете' (при равно допустимых tajáttək и tajáŋŋətək 'вы двое придете').

4) Элемент -ŋ- может утрачиваться, но это не обязательно, так что возникают вариантные формы. Так обстоит дело с суффиксом 2 du субъекта -tək (в безобъектном спряжении) при отсутствии плюрализатора -la-: возможны равнозначные формы ta-ját-tək и ta-jáŋ-ŋə-tək 'вы двое придете'; однако при наличии -la- элемент -ŋ- утрачивается обязательно (ср. пункт 3).

5) Никакое изменение не имеет места; так обстоит дело при объектных суффиксах 3 лица и субъектном суффиксе -tki:

ta-nə́tkəŋavan-ŋə-na-t 'ты их двоих поругаешь',
na-tá-nətkəŋavan-ŋə-tki 'вы двое его поругаете'
и т.п.

Заметим, что между формами с элементом -ŋ-, приводимыми в парадигмах А.Н.Жуковой (Жукова 1968), и формами, имеющимися в наших собственных материалах (сверенных также с записями И.А.Муравьевой), наблюдается одно отчетливое расхождение: по данным Жуковой, -ŋ- удерживается перед -tək везде, тогда как наши информанты последовательно отвергали формы на *-ŋətək и в особенности на *-laŋətək (за исключением оговоренного выше – пункт 4 – случая факультативности). Возможно, здесь сказались диалектные различия.

Правила Г.Б. носят сугубо морфологический характер: уловить какие-либо фонологические или морфонологические закономерности здесь невозможно. Так, один и тот же элемент -mək в качестве объектного суффикса обязательно вытесняет -ŋ-, а в качестве субъектного суффикса ведет себя по-другому: при отсутствии -la- тоже вытесняет -ŋ-, а при наличии -la- вытесняется сам; -t в качестве дуализатора совместим с -ŋ-, а в качестве компонента плюрализатора -t вытесняется.

Примечание 13 (к правилу III А.1, стр. 80).

Во многих алюторских основах, начинающихся на два согласных c_1c_2 , где c_1 - переднеязычная (чаще всего -t или l), а c_2 - прочая не переднеязычная (чаще всего, k, q, ɣ, ʔ, p, v), первая согласная c_1 обязательно отпадает в абсолютном начале слова. Это отпадение, однако, не удается описать как чисто фонетическую или фонологическую закономерность (ср. Жукова 1968: 295), поскольку в алюторском языке существуют основы с неотпадающими c_1 в аналогичных сочетаниях, например:

1) основа t̲kəpl- 'избивать', 2 sg aor.ind.kəpl-ən 'ты его избил' [но не *t̲kəpl-ən], при 1 sg aor.ind. tə-t̲kəpl-ən я его избил' (основа с отпадением)

и основа t̲kan- 'кижуч' (рыба), им. ед. t̲əkánnə [но не *kánnə] при (allə) a-t̲kánat-ka 'нет кижуча' (от глагола t̲əkánat-ətkən 'имеется много кижуча/кижучно'); (основа без отпадения);

2) основа t̲ɣivi- 'проводить год', 2 sg aor.ind. ɣivij 'ты провел год' [но не *t̲ɣivij], при 1 sg aor.ind. tə-t̲ɣivi-k 'я провел год' (основа с отпадением)

и основа t̲ɣarat- 'линять', 2 sg aor.ind. t̲əɣárati 'ты полинял' [но не *ɣaráti] , при 1 sg aor.ind. tə-t̲ɣárat-ək 'я полинял' (основа без отпадения).

Таким образом, отпадение t, l и других c_1 является в принципе морфологически обусловленным, что и отмечается особым признаком - "отп" - в синтактике соответствующих морф (см. Примечание 4, стр. 104).

Примечание 14 (к правилу III А.2, стр. 80).

Обязательное отпадение последней гласной основы или суффикса в конце слова, широко распространенное в алюторском языке, не является фонетической или фонологической закономерностью: существуют морфы с гласным исходом, сохраняющимся и в абсолютном конце слова. Так, ср.:

основа əlləvjŋ 'племянник', ном. ед. ə́lləvi (из əlləvj → əlləvəj → ə́lləvi) при ном. двойств. əllə́vjut (основа с отпадением)

и основа ułułu- 'ребенок', ном. ед. ułułu , ном. двойств. ułułut , ном. мн. ułułuwwi (основа без отпадения);

аналогично, основа kalaka- 'идол', ном. ед. kálak при ном. двойств. kalákat / kalákti , ном. мн. kalákawwi (основа с отпадением)

и основа ʕəlqa- - 'penis' , ном. ед. ʕə́lqa , ном. двойств. ʕə́lqat , ном. мн. ʕalqáwwi (основа без отпадения).

Гласный исход сохраняют также некоторые суффиксы: -tki, -ɣi, -wwi, -ti.

Поскольку, таким образом, отпадение конечных гласных в алторском обусловлено морфологически, оно отмечается особым признаком - "сокр" - в синтактике соответствующих морф (см. примечание 4, стр. 104).

В нашей модели сокращающими являются следующие глагольные морфы:

-na (субъектный и объектный суффикс 2-го и 3-го лица в разных формах);

-nina (объектный суффикс 3-го лица при субъекте 3 sg);

-ɣəna (объектный суффикс 3-го лица при субъекте 2 sg в аористе императива);

-lina (субъектный суффикс 3 sg в результативе).

Поскольку все эти морфы оканчиваются на -na , правило III А.2 можно было записать более конкретно:

$$na\# \Rightarrow n\# \mid na\,(\dot{m}_{(A_{сокр})})\ и\ \# \neq \dot{\#}\ :$$

мы, однако, предпочли более общий вид, пригодный и для основ с другими исходами (в словоизменении имен).

Подчеркнем, что если гласная в исходе сокращающей морфы оказывается в конце слова в результате факультативного эллипсиса того или иного окончания (см. правило II А.3-5), то отпадение гласной не происходит. Другими словами, эта гласная трактуется как неконечная, что обеспечивается символом # , который сохраняет след факультативно усекаемого окончания.

Примечание 15 (к правилам III А.3-5).

Опущение определенных морф и частей морф в конце слова является сугубо факультативным, так что оба данные правила можно и не применять (это показано посредством заключения этих правил в круглые скобки). Применение правил III А.3 и III А.4-5 характерно для беглой спонтанной речи, их неприменение (т.е. полные формы) - для тщательного произношения при замедленном темпе речи.

Факультативно сокращаемые морфы и части морф, учтенные в нашей модели, таковы:

(-mək) - субъектный суффикс [объектный -mək не допускает факультативного сокращения, ср. правила I.4(2), I.11(2), I.17(2) vs. I.23] ;

(-ɣi) - субъектный суффикс 2 sg в императиве;

-l(in) - субъектный суффикс 3 sg в результативе [сокращается редко] ;

-(w(wi)) - плюрализатор 3 лица субъекта и объекта;

-lqi(v) - суффикс "имперфекта" и суффикс начинательности;

-sqi(v) - словообразовательный суффикс, являющийся частью основы (исторически родственен с -lqiv-).

Факультативное сокращение допустимо лишь при условии, что оставшаяся часть словоформы будет иметь "правильную" акцентуационно-слоговую структуру, т.е. не менее трех гласных; поэтому, например, в qiniv(ɣi) 'скажи мне' сокращение -ɣi не имеет места. Этот факт и учитывается условиями к правилам III А.3-5.

Кроме того, факультативное опущение допустимо лишь при условии, что опускаемый сегмент не вызвал перед собой ассимиляции (это бывает только в случае с -mək): в условии к правилу III А.3 сказано, что последняя фонема в оставшейся части словоформы - $L_{-1}(X)$ - не должна быть n , получившимся из t ; например, если мы имеем

mən+jəlqat+(mək) ⇒ məŋŋə́lqaŋ(mək),

то опущение -mək уже невозможно; форма məŋŋə́lqat 'давай мы двое поспим' правильна, а форма *məŋŋə́lqaŋ - нет: вместо нее должно быть məŋŋə́lqaŋmək , являющееся факультативным вариантом к məŋŋə́lqat[1]

[1] В Стебницкий 1938: 88 приведен пример факультативного опущения, при котором наблюдается (и сохраняется) ассимиляции ко-

Факт факультативного опущения "запоминается" в виде пометы # (вместо #), которая означает "квазиабсолютный" исход. Перед символом # не происходят те явления, условием которых является конец слова, т.е. абсолютный исход (#), например, отпадение конечной гласной в морфах с отпадением (см. условие к правилу III.2 и замечание в конце Примечания 14).

Свойство "быть факультативно опускаемой" представляет собой морфологическую характеристику морф и должно отмечаться в их синтактике посредством особого признака. Однако сугубо в целях большей наглядности мы показываем факультативную опустимость круглыми скобками.

Примечание 16 (к правилу IV Б.8, стр. 95).

В случае с формой 2-го/3-го лица ед. числа аориста индикатива глагола tla- 'приходить (туда)' мы имеем:

$$tla+j \Rightarrow təla+j \Rightarrow təlá+j \overset{IV\,Б.7}{\Rightarrow} təlá+jjə,$$

а правило IV А.3 оказывается неприменимым, так как X = j ; полученный результат - təlájjə 'ты/он пришел (туда)' - и есть правильная форма.

Если бы, однако, последовательность применения правил была другой, мы могли бы получить и неправильную форму:

$$tla+j \Rightarrow təla+j \overset{IV\,Б.3}{\Rightarrow} təlá+j \overset{IV\,А.3}{\Rightarrow} {}^{*}təlé \quad \text{или}$$

$$\ldots təla+j \overset{IV\,А.3}{\Rightarrow} təle \overset{IV\,Б.3}{\Rightarrow} {}^{*}təlé,$$

где, однако, *təlé запрещается правилом IV Б.8, причем других правил, применение которых могло бы исправить этот неверный результат, нет; тем самым, подобный неудачный вывод оказывается тупиковым. (Форма təlé существует в алюторском языке: это междометие, которым погоняют собак; однако в качестве глагольной словоформы подобное образование невозможно.)

нечного согласного основы: результатив ʒanʒinal от основы nʒinat- 'окружать сетью', т.е. ʒa+nʒinat+lin ⇒ ʒanʒinallin ⇒ ⇒ ʒanʒinal ; возможно, здесь происходит опущение только элемента -in , как и во всех прочих случаях, а затем упрощение конечной группы -ll-? В наших материалах подобные факты не отмечены.

Совершенно аналогично обстоит дело с формой vəlǯjjə глагола vəl- 'выходить из моря на сушу', 'перебираться от побережья в глубь суши': неправильный результат *vəlǯ , который может получиться при неудачном порядке применения правил, запрещается правилом IУ Б.8.

Без правил типа IУ Б.8-9 нетрудно обойтись, добавив к правилам стяжения сочетаний /a+j/ и /a+w/ такие условия, которые не допустят применения этих правил в подобных случаях. Мы, однако, как и в случае с морфологическим эллипсисом, предпочли ввести особый тип правил, позволяющий выразить в явном виде существенный факт алюторской фонологии - недопустимость глагольных словоформ с конечным ударением, безударных или с ударением далее второго слога от начала.

Литература.

Вдовин 1956 - Вдовин И.С. Алюторский диалект корякского языка. Л., 1956. (Рукопись; хранится в архиве Ленинградского отделения Ин-та языкознания АН СССР.)

Володин 1967 - Володин А.П. Эргативная конструкция в ительменском языке. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л., 1967, 240-245.

Гулакян 1972 - Гулакян Б.С. О соотношении фонетического и фонологического слогов в армянском языке. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971, М., 1972, 354-366.

Еськова - Мельчук - Санников 1971 - Еськова Н.А., Мельчук И.А., Санников В.З. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных. М., 1971. 71 стр.

Жукова 1967 - Жукова А.Н. Выражение подлежащего в эргативной конструкции предложения чукотско-камчатских языков. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л., 1967, 235-239.

Жукова 1968 - Жукова А.Н. Алюторский язык. - В кн.: Языки народов СССР. У, Л., 1968, 294-309.

Кукова 1972 – Кукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972. 322 стр.

Инэнликэй – Недяков 1967 – Инэнликэй П.И., Недяков В.П. Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке. – В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л., 1967, 246–260.

Исхакова 1968 – Исхакова Х.Ф. Автоматический синтез форм существительного в татарском языке. – НТИ, серия 2, 1968, № 3, 23–27.

Исхакова 1971 – Исхакова Х.Ф. Модель татарского спряжения (образование синтетических форм глагола в современном татарском языке). – В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем, М., 1971, 108–126.

Крейнович 1958 – Крейнович Е.А. Опыт исследования структуры слога в корякском языке. – Доклады и сообщения ИЯз АН СССР, 1958, № 11, 151–167.

Мейе 1938 – Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. 510 стр.

Мельчук 1965 – Мельчук И.А. Об автоматическом морфологическом синтезе (на материале испанского языка). – Научно-технич. информация, 1965, № 4, 35–42.

Мельчук 1967 – Мельчук И.А. Модель спряжения в испанском языке. – МПиПЛ, вып. 10, 1967, 21–53.

Мельчук 1968 – Мельчук И.А. Модель склонения венгерских существительных. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967, М., 1968, 344–373.

Мельчук 1972 – Мельчук И.А. О супплетивизме. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971, М., 1972, 396–438.

Молл 1960 – Молл Т.А. Краткий очерк грамматики корякского языка. – В кн.: Т.А.Молл, Корякско-русский словарь, Л., 1960, 117–236.

Серебренников 1960 – Серебренников Б.А. О редких случаях сочетания в одной глагольной форме двух модальных значений в некоторых угро-финских языках. – В кн.: Вопросы грамматики. (Сб. статей к 75-летию акад. И.И.Мещанинова). Л., 1960, 122-128.

Скорик 1948 – Скорик П.Я. О выражении субъектно-объектных отношений в чукотском языке. – Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1948, 7, № 6, 568-578.

Скорик 1954 – Скорик П.Я. О постепенном развертывании и совершенствовании основ грамматического строя (на материале чукотского языка). – Труды Ин-та языкознания (АН СССР), IУ, 1954, 190-253.

Скорик 1958 – Скорик П.Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков – ВЯ, 1958, № 1, 21-35.

Скорик 1960 – Скорик П.Я. О категории залога в чукотском языке. – В кн.: Вопросы грамматики. (Сб. статей к 75-летию акад. И.И.Мещанинова), М.-Л., 1960, 129-150.

Скорик 1961 – Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. I. М.-Л., 1961. 448 стр.

Скорик 1967 – Скорик П.Я. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. – В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л., 224-234.

Скорик 1968 а – Скорик П.Я. Чукотско-камчатские языки. Введение. – В кн.: Языки народов СССР. V, Л., 1968, 235-247.

Скорик 1968 b – Скорик П.Я. Чукотский язык. – В кн.: Языки народов СССР. V, Л., 1968, 248-270.

Скорик 1968 с – Скорик П.Я. Керекский язык. – В кн.: Языки народов СССР. V, Л., 1968, 310-333.

Стебницкий 1934 – Стебницкий С.Н. Нымыланский (корякский) язык. – В кн.: Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.-Л., 1934, 47-84.

Стебницкий 1938 – Стебницкий С.Н. Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка. – В сб.: Советский Север, 1, 1938, 65-102.

Hudson 1973 - Hudson R.A. An item-and-paradigm approach to Beja syntax and morphology. - Foundations of language, 1973, 9, №4, 504-548.

Kuryłowicz 1964 - Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Lehmann 1972 - Lehmann Twila. Some arguments against ordered rules. - Language, 1972, 48, №3, 541-550.

Martinet 1969 - Martinet A. Le français sans fard. Paris, 1969. 221 pp.

Ringen 1972 - Ringen Catherine. On arguments for rule ordering. - Found. of language, 1972, 8, 266-273.

Zwanenburg 1968 - Zwanenburg W. Quelques remarques sur le statut phonologique de e muet en français moderne. - Word, 1968, 24, №1-3, 508-518.

Seuren 1973 - Seuren P.A.M. Zero-output rules. - Found. of language 1973, 10, 317-328.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

А04955 от 6 XII 1973 ~~3,75~~ 4,6 п.л. 150 экз. Зак № 1722

Тип. МГПИИЯ